

18+

Антон и Марианна Дюваль

СУДЬБА ПЯТЕРЫХ, ИЛИ НЕФРИТОВАЯ ЛИЛИЯ

Историко-приключенческий роман

Антон Дюваль
Марианна Дюваль
Судьба Пятерых, или
Нефритовая лилия. Историко-
приключенческий роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43474220
ISBN 9785449689597

Аннотация

Новая история о мушкетерах, похожа и не похожа на исторический роман А. Дюма «Три мушкетера». В романе присутствует вымысел, но также существует множество малоизвестных исторических фактов, которые умышленно или случайно не упомянул в своей рукописи мэтр Дюма. «Судьба пятерых» – историко-авантюрный роман, повествующий об опасных и увлекательных приключениях пятерых друзей: д'Афоне, де Шароне, д'Арамице, аббате де Рамисе и о бароне де Порто.

Содержание

Часть I	7
ГЛАВА I	7
ГЛАВА II	15
ГЛАВА III	21
ГЛАВА IV	31
ГЛАВА V	40
ГЛАВА VI	44
ГЛАВА VII	53
ГЛАВА VIII	65
Часть II	71
ГЛАВА I	71
Глава II	77
Глава III	84
Глава IV	89
Глава V	97
Глава VI	107
Глава VII	111
Глава VIII	116
Глава IX	121
Глава X	128
Конец ознакомительного фрагмента.	133

**Судьба Пятерых, или
Нефритовая лилия
Историко-
приключенческий роман
Антон Дюваль
Марианна Дюваль**

© Антон Дюваль, 2019

© Марианна Дюваль, 2019

ISBN 978-5-4496-8959-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

«Примерно год тому назад, занимаясь в Королевской библиотеке разысканиями для моей истории Людовика XIV, я случайно попал на «Воспоминания г-на д'Артаньяна», напечатанные – как большинство сочинений того времени, когда авторы, стремившиеся говорить правду, не хотели отправиться затем на более или менее длительный срок в Бастилию, – в Амстердаме, у Пьера Ру-

жа. Заглавие соблазнило меня; я унес эти мемуары домой, разумеется, с позволения хранителя библиотеки, и жадно на них набросился.

Я не собираюсь подробно разбирать здесь это любопытное сочинение, а только посоветую ознакомиться с ним тем моим читателям, которые умеют ценить картины прошлого» – А. Дюма (отец).

Так начинается всеми известный роман «Три мушкетера», который вот уже на протяжении 175 лет будоражит сердца читателей всего мира.. Рано познакомился с ним и я. Мне было восемь лет, когда я впервые увидел на экране телевизора легендарный фильм режиссера Юнгвальда-Хелькевича: «Д'Артаньян и три мушкетера». Так произошло мое знакомство с творчеством А. Дюма, впоследствии чего, я с любопытством перечитал большую часть его рукописей. —

Кроме самого А. Дюма, меня заинтересовали, им упомянутые «Мемуары г-на д'Артаньяна», которые я по совету великого писателя, так же имел честь прочитать. Эти мемуары вдохновили нас, (так же как и самого Дюма), написать роман, о мушкетерах.

Наш роман это ни в коем случае не пародия на «Три мушкетера», ибо сравнивать нас с выдающимся писателем, было бы просто смешно. Хотя не скрою, сходство у романов, все же есть. Быть может наш роман в чем то и уступает произведениям Дюма, так как мы всего лишь ученики Великого мэтра, не претендующие на славу Учителя. Хотя смею за-

явить, что роман «Судьба пятерых или нефритовая лилия» ни менее увлекателен, чем «Три мушкетера». —

Роман повествует о пятерых друзьях, из разных провинций, судьбы которых, по иронии судьбы, сплетаются в сердце Франции Париже. —

А теперь, чтобы не наскучить будущим читателям излишними пояснениями, мы предлагаем вашему вниманию исторический роман, в котором все что написано, было на самом деле, разумеется, кроме вымысла.

Часть I

ГЛАВА I

Одним роковым вечером

В Провансе, в местечке Бержалон, за лавандовыми полями и волнистой кромкой леса, словно фантастическое видение, возникшее во сне, стоял фамильный замок графа де Лавона.

Прапрадедовский замок, построенный из прочного, серого камня, как и три столетия назад, стоял огражденный от дороги, узорными чугунными воротами, с двумя по краям, мраморными колоннами. Массивный фасад замка был обращен на огромное, черное озеро, заросшее водяными лилиями. Задняя часть замка, уходила двумя крылами в парк, где росли необычайной красоты розы и возростали высокие столбцы, зеленой туи.

Испокон веков в этом роскошном замке, жил род де Лавонов. Один из потомков этого рода, был юный граф Эмиль де Лавон де Бержалон. Осиротев еще в младенчестве, он был усыновлен, отставным военным, графом Оливье д'Афоном де Сайегом. Оплакивая сестру, граф де Сайег решил назвать маленького наследника в честь матери – Эмилем.

Детство и юность Эмиля де Лавона прошли в достатке, он получил хорошее домашнее образование, которое не прошло даром. С юных лет, граф делал весьма большие успехи в учебе. Кроме наук граф де Лавон почти с младенчества, овладел искусством верховой езды, а в пятнадцать лет владел в совершенстве шпагой.

Дядя, был доволен своим воспитанником, которого любил, как родного сына, и мечтал, что его племянник, пойдет по его стопам, и сделает неплохую карьеру военного. Сам же граф де Лавон и не мыслил о военной службе.

В свободное время Эмиль, предпочитал предаться уединению среди полей и лесов или отправиться на охоту. Порой ходил он смотреть на виноградные работы. Иногда в праздник отдавал распоряжение, чтобы в парке, вокруг озера, водили хороводы крестьянские девы и парни, а сам смотрел из окна на эту живописную картину.

В зимние вечера, юноша усердно предавался чтению в библиотеке. В это время года, ветер уютно завывал на высоких чердаках замка, а по коридорам, скрипя паркетом, проходил старый слуга и истапливал камин.

Так граф де Лавон, прожил беззаботно восемнадцать лет. Но едва граф достиг восемнадцатилетнего возраста, как его дядя стал напоминать юному наследнику, что пора задуматься о женитьбе. Но молодой человек, дал себе слово, что никогда не женится. Слишком уж легкомысленными и жеманными ему казались все женщины. И хотя молодые особы по-

глядывали на него с явной симпатией, Эмиль держался с ними твердо. Все переменялось в роковой вечер, когда на пороге его дома появилась женщина.

Это произошло 4-го мая 1622 года. В тот судьбоносный, весенний, вечер, на улице разыгралась непогода: небо обложилось свинцовыми тучами, скрывая под своим толстым слоем, Божий свет. Над городом Провансом воцарилась тьма. Раздался гром, и с неба, вначале мелкие, а потом все крупнее, начали падать капли дождя. Один за другим доносились раскаты грома, а молнии, казалось, разрывали небо в клочья. Слово небо разверзлось, и на землю стеной, полил дождь.

В тот вечер, граф де Лавон стоял возле окна большой комнаты и наблюдал за непогодой. А его дядюшка, граф де Сайег, сидел откинувшись в кресле любуясь, как в камине потрескивают раскаленные поленья.

– Какая ужасная сегодня погода, на улице, – произнес неожиданно граф де Сайег. – Вы не находите, мой друг?

– Отнюдь, в этой первой грозе, я нахожу некую могущественную красоту, – ответил граф, садясь в кресло, находившееся неподалеку от кресла дядюшки.

– Да, только эту могущественную красоту, лучше лицезреть из окна своего дома, – заметил граф Сайег.

– Пожалуй, вы правы, – согласился де Лавон, продолжая смотреть в окно. – Не хотел бы я быть путником во время такого ненастья.

Между тем, в ворота старого замка, кто-то постучался.

Старый слуга с ворчанием взял фонарь, и отправился к воротам, дабы узнать, кто явился в столь поздний час. На пороге стоял почтительный лорд, судя по всему из Англии, так как его одежда в отличии от французов, отличалась строгостью и умеренностью.

– Что вам угодно, сударь? – произнес слуга.

– Наша карета сломалась, а до ближайшего постоялого двора, судя по всему, далеко, – ответил лорд, с небольшим английским акцентом. – Не позволите ли моему господину, с сестрой, переждать у вас непогоду, или хотя бы снабдить парой лошадей.

– Об этом я должен, прежде, спросить у хозяина, – сказал слуга. – Как представить, твоего господина?

– Лорд Глайд с сестрой, – сообщил незнакомец.

Ковыляя и ворча, старый слуга, отправился доложить хозяевам о незваных гостях.

– Ваше сиятельство, там, на пороге стоит слуга лорда Глайда, и просит, чтобы мы приняли его хозяина с сестрой, так как их карета сломалась, – сообщил Томас, войдя в большую комнату.

– Так отчего же ты не пригласишь их в замок, болван?! – спросил де Лавон.

– Простите, господин, – проговорил Томас, поспешно исполняя, повеления хозяина.

Спустя какое-то время, перед хозяевами появилась молодая леди, лет пятнадцати, шестнадцати. Несмотря на свой

жалкий, мокрый вид, англичанка была самым очарованием.

– Добрый вечер, лорд, добрый вечер, миледи, – с радушием произнес юный граф, после чего с почтением поцеловал юной леди руку. – Я, граф де Лавон, де Бержалон, а это мой любимый дядюшка, г-н граф де Сайег, д’Афон.

– Добрый вечер, господа, – поприветствовал англичанин, в поклоне. – Меня зовут, сэр Джон Глайд, а это моя младшая сестра, леди, Маргарет Глайд. Я прошу прощение, что в столь позднее время, мы предоставляем вам столько хлопот, но наша карета сломалась, а...

– Ни слова больше, сэр, – остановил его юный граф де Лавон. – Вы нисколько не утрудили, нас, своим приездом. Так что, добро пожаловать, в замок.

Увидев слугу, Эмиль жестом подозвал его к себе, и сказал:

– Томас, помоги гостям раздеться, и распорядись слугам принести вещи из сломанной кареты.

– Слушаюсь, – покорно произнес слуга, снимая мокрый плащ с англичанина.

– И прикажи слугам, чтобы они подготовили, для гостей, лучшие комнаты, – добавил де Лавон.

– Будет сделано, г-н граф.

Пока Томас исполнял повеления хозяина, Эмиль заметил, что леди Глайд дрожит от холода.

– Вы я смотрю, продрогли совсем, подойдите к огню, – предложил граф де Лавон, гостье.

Маргарет с благодарностью приняла предложения моло-

дого хозяина, и подошла к камину. Граф Сайег посмотрел на племянника той улыбкой, которая заставляет молодых людей, когда они ее замечают, гордиться собой.

Через некоторое время слуга объявил, что комнаты для гостей готовы, после чего по распоряжения де Лавона, он проводил лорда и леди, в их апартаменты.

Спустя сорок минут, по лестнице робкими шажками, спустилась леди Глайд. Она к тому времени успела привести себя в порядок. Ее рыжие, густые кудри рассыпались по черному бархатному платью, а ее большие, слегка выпуклые, зеленые глаза, игриво поблескивали при свете свеч.

Через несколько минут, к ней присоединился и лорд Глайд. Слуга, между тем, оповестил хозяев, что ужин уже готов. Граф де Лавон, как добрый хозяин, пригласил гостей пройти вместе с ним в столовую.

Рассадив в столовой гостей, граф де Лавон смущаясь и робея, не знал с чего начать разговор. Щадя застенчивость племянника, граф де Сайег решил прийти к нему на помощь.

– Куда же вы держали путь, господа? – озабочено спросил он, обращаясь к гостям.

– Мы держали путь из Лондона в Венецию, – отвечал лорд Глайд, – а тут такая напасть. Мало того, что дорогу размыло, так еще на полдороги сломалась карета.

– У вас в Венеции родственники, или вы путешествуете? – осведомился де Сайег.

– У нас там родственники, – как-то растеряно, ответила

юная дева.

Между тем, граф де Лавон, не сводил с Маргарет, глаз. Ему казалось, что если он отвлечется, то это божество, растворится в воздухе.

Отужинав, леди Глайд поблагодарила хозяев и, простившись с присутствующими, засобиралась уходить, попросив лишь выдать им, на время, двух скакунов.

– Помилуйте, куда же вы поедете, в такую погоду? – спросил юноша, боясь обнажить внутреннюю тревогу. – Это было бы не по-христиански, отправлять людей в дорогу, не позволив им даже толком обсохнуть. К тому же, для вас, уже приготовлены комнаты. Так что, можете смело оставайтесь в замке, на сколько хотите, а я, между тем, распоряжусь, чтобы мои слуги занялись починкой вашей кареты.

– Благодарю вас, граф, вы так добры к нам, но мы не хотим злоупотреблять вашим гостеприимством, – сказала скромно Марго.

– Я почту за честь, если вы согласитесь погостить в моем замке, – ответил юноша.

Леди озадаченно посмотрела на своего спутника, и тот в знак согласия, кивнул головой.

Когда граф де Лавон, получил от гостей удовлетворительный ответ, его сердце, беспричинно, часто забилося; и хоть в лице, юноша, оставался по-прежнему невозмутим, но в душе он чувствовал, радость и необъяснимый страх.

Они еще долго вели беседу между собой, в гостиной, пока

граф де Лавон, не предложил расположиться в своих покоях. Весь оставшийся вечер и ночь, юноша не сомкнул глаз. Из головы у него не выходил образ этой очаровательной девушки, взор которой его опьянял. Мысль о том, что ему предстоит разлука, с этим божественным созданием, приводила его в отчаянье. Наконец, де Лавон решил, во что бы то ни стало, уговорить леди остаться еще хотя бы на один день, но он не мог найти предлога. В надежде на милость природы, юноша заставил себя заснуть, рассчитывая, что пока льет дождь, и карета неисправна, гости от них не уедут.

ГЛАВА II

Предчувствие любви

Несмотря на все ожидания Эмиля, с приходом утра и следа не осталось, от непогоды. И только капли на траве, и невысохшие на дороге лужи, напоминали о вчерашнем дожде.

Проснувшись, от теплого прикосновения, солнечных лучей, пробивавшихся сквозь витражные стекла, граф тут же вспомнил о вчерашней гостье. Улыбнувшись своим мыслям, Эмиль быстро поднялся с кровати, и позвонил в колокольчик, тем самым призвав слугу, который незамедлительно принес его одежду и кувшин с водой для умывания. Но юный хозяин, не пожелал надевать, в тот день, будничный костюм. Дабы произвести впечатление на англичанку, граф приказал слуге, принести одно из лучших платьев.

Следуя испанской моде (в прочем, как и все французы тех времен), граф де Лавон надел короткий, темно-серого цвета камзол, расшитый к низу. Верх его застегивался на навесные пуговицы, а полы его свободно расходились. Поверх камзола был надет большой, кружевной, покрывающий плечи воротник. Сам камзол, был украшен рукавами с продольными разрезами, сквозь которые выглядывала белоснежная сорочка. Широкие, до середины икр штаны, заканчивались тонкими петлями из лент.

Окончив утренний туалет, Эмиль чуть было не побежал

в столовую, но вовремя удержал свой юношеский порыв.

– Не будьте мальчишкой, месье де Лавон, – с усмешкой сказал сам себе граф, покидая свои покои.

Сдерживая быстрые шаги, граф шел неспешно по коридору. Когда же он проходил мимо покоев леди Глайд, сердце его беспричинно забилося, а ноги сами понесли в столовую.

Едва граф де Лавон оказался в столовой, он первым делом начал искать глазами леди, однако ее там не оказалось. За столом сидел дядя и лорд Глайд, ведя беседу о лошадях. Пожелав им доброго утра, юноша сел за стол в подавленном настроении. Граф де Сайег, заметив взволнованность племянника, озабочено его спросил:

– Что с вами Эмиль, вы чем-то расстроены?

– Нет, дядюшка, – хмуро ответил молодой человек.

– Быть может, вы себя плохо чувствуете, у вас что-то болит?

– Нет, благодарю, я здоров, – достойно ответил юный граф, и невольно, обнажив свою внутреннюю тревогу, он вдруг, спросил: – А где же леди Глайд?

– Леди Глайд просила извинить, она немного опоздает к завтраку, – ответил англичанин.

Когда, спустя четверть часа, милое создание спустилась в столовую, молодой человек встал, и поглядел на особу пристальным взглядом, чем невольно насторожил девушку.

– Доброе утро, сударыня, – сказал нежно граф.

– Доброе утро, господа, – улыбаясь, проговорила леди. –

Простите, что заставила вас ждать.

– Как вы спали эту ночь, сударыня? – с волнением спросил Эмиль.

– Превосходно, у вас на редкость чистый воздух, – восхищалась леди Глайд, – а трели соловьев ласкают душу.

– После завтрака, господа, я предлагаю оглядеть наш парк, – предложил де Лавон. – Наш садовник, этой весной, высадил удивительные розы и мальвы.

– Благодарю за приглашение, граф, – произнес англичанин. – Я думаю, Марго не будет против, легкой прогулки.

В ответ леди, благосклонно кивнула.

После завтрака все спустились в парк. Маргарет шла задумчиво впереди, граф де Сайег вел беседу с лордом Глайдом, а поодаль них шел юноша. Прогуливаясь в прохладной тенистой аллее, сквозь листву которой, пробивались косые лучи, восходящего солнца, Эмиль увидел, как один из этих золотых лучей осветил лицо девушки, глаза которой, казалось, излучали такой же теплый, утренний свет.

Тем временем юноша, успел нарвать букет лилий, с капельками росы. Подойдя к мадемуазели, и взглянув ей в глаза, граф молча, протянул ей цветы.

– Боже, откуда вы узнали, что это мои любимые цветы? – с восхищением спросила она.

– Я этого не знал, – ответил юноша. – Просто, когда я посмотрел на лилии, мне показалось, что вы похожи на одну из них.

В ответ девушка звонко рассмеялась, и прибавив шаг, подошла к лорду Глайду, который продолжал о чем-то беседовать с графом Сайегом.

После прогулки они вернулись в дом. Поблагодарив графа, за прекрасную прогулку, лорд и леди Глайд, вернулись в свои покои.

Между тем, граф де Сайег величественно подошел к окну, но даже со спины, можно было понять, что он не доволен поведением племянника. Эмиль хотел подняться в свою комнату, но строгий голос графа, остановил его:

– Не спешите Эмиль, мне нужно с вами поговорить.

Юноша покорно подошел к дяде, и тот продолжил:

– Вы не находите, мой друг, что уделяете слишком много внимания вашей гостье?

– Я не вправе скрывать от вас граф, что я влюблен в леди Глайд, – признался юноша.

– «Влюблены»? – переспросил граф Сайег. – Не слишком ли быстро, в вас вспыхнуло это чувство?

– Не знаю, я не представляю без нее жизни.

– И что же вы намерены делать, позвольте вас спросить?

– Я? – засмутился молодой человек, и немного погодя, ответил: – Если она не откажет, то я на ней женюсь.

– Воля ваша, Эмиль. Вы вполне взрослый человек, для подобного, серьезного решения, и я не в праве вас отговаривать.

– Вы, как я вижу, не согласны с моим решением?

– Откровенно говоря, я бы не советовал вам спешить, вы не знаете толком кто она, кто ее родители.

– На прогулке леди мне поведала, что она дочь знатного лорда, который служил при дворе у самого короля Якова I. Правда сейчас лорд умер и их род обнищал. Дабы поправить свое состояние, мать хотела выдать несчастную Маргарет замуж, за пожилого пэра, а брат, дабы воспрепятствовать этому браку, подстроил побег для сестры. Потому они и отправились в Венецию.¹

– Вы давно вышли из-под моей опеки, мой мальчик, и теперь вы хозяин своей жизни. Но если бы я был вашим отцом, я принял бы все меры, что бы отговорить вас от этого, недуманного решения.

– От чего же, позвольте вас спросить? – удивился юноша. – Даже если они и из обедневшего рода, это нисколько не поменяет мое отношения к Маргарет.

– Ее род здесь не причем. Даже если бы леди Глайд была из знатнейшего рода, я бы сказал вам то же самое.

– Но почему же, дядя? – спросил де Лавон.

– Потому что, я нахожу это семейство подозрительным, в особенности мне не понравился лорд Глайд.

– По-моему вы преувеличиваете, граф.

– Дай Бог, чтобы я ошибался. В любом случае, я бы вам посоветовал повременить с признанием, и все хорошенько

¹ Яков I Английский* (1566, —1625) – король Шотландии и первый король Англии из династии Стюартов.

обдумать.

– Я все уже обдумал, дядя, – настойчиво проговорил граф де Лавон и откланявшись, поднялся к себе в комнату.

По распоряжению графа де Лавона, чинить карету не спешили и гостям пришлось задержаться в доме графа, на еще один день.

ГЛАВА III

О том, кем на самом деле, являлись брат и сестра Глайд

Вечером, того же дня, в комнате леди Глайд, был, так называемый брат, который на самом деле, являлся ее суженым. Маргарет была действительно дочерью знатного дворянина, графа Нортумберленда, который в самом деле, был в почете у короля Якова I-го. Однако за полгода до ее рождения, лорд Нортумберленд, по приказу короля, был арестован за участие в «Пороховом заговоре», а затем был отправлен в крепость, Тауэр.²

После вышеперечисленных событий, дворянский род Нортумберленда, сильно обнищал. Поэтому, когда дочери едва достигли возраста, позволяющего им вступать в брак, их мать, графиня Нортумберленд, начала выдавать несчастных дочерей замуж, за знатных дворян, не первой молодости. И вот пришла пора, вступить в брак, леди Маргарет. Однако Марго, не устраивало замужество на престарелых дворянах, к тому же, она была влюблена в Джона Глайда.

Лорд Глайд был бедным дворянином, проигравшим все

² Пороховой заговор 1605 года – неудачная попытка группы английских католиков взорвать здание парламента с целью уничтожения симпатизировавшего протестантам и предпринявшего ряд репрессий в отношении католиков короля Якова I.

свое состояния в «кости». Чем он смог очаровать это небесное создание, увы, одному Богу известно. Ни ростом, ни красотой, г-н Глайд не обладал, к тому же был на десять лет ее старше. Тем не менее леди Нортумберленд, была в него влюблена, и дабы ни стать женою не любимого, она согласилась вместе с сэром бежать тайком в Венецию, в которой его тетья, оставила после себя небольшое наследство.

Род Нортумберлендов, был довольно-таки известный, в то время, ни только в Англии, но и во Франции, поэтому, дабы избежать неприятностей и недоразумений, лорд Глайд, везде, выдавал леди Нортумберленд, за свою сестру.

Покинув Англию, они еще на протяжении месяца, ехали по бездорожью, останавливаясь лишь в придорожных гостиницах. Однако, ни каждый хозяин, принимал у себя путников, у которых не густо в карманах. Не редко Джону и Маргарет, приходилось ночевать в карете.

Гостеприимство, простодушного графа де Лавона, пришлось им, как нельзя кстати. Однако же, доброта и бескорыстность хозяина, вместо ответных чувств, вызвала у лорда Глайда – ненависть. Не без зависти Джон, глядел на графское роскошество и богатство. Ни раз, ему даже приходило в голову чего-нибудь украсть и убежать, и только остатки дворянской крови, не позволяли ему этого сделать.

И вот, в тот самый вечер, после ужина, покои леди неожиданно посетил лорд Глайд. Едва завидев его, Маргарет поспешила заключить его в объятия, однако лорд отстранил ее

от себя.

– Простите Марго, но мне сейчас не до нежностей, – сказал, с легким оттенком раздраженности, Джон. – И когда же кончится этот спектакль, я признаться устал, изображать вашего милого брата. Второй день мне приходится играть, эту жалкую комедию.

– Ну потерпите Джон, мне тоже, не по душе играть все это. Мы целый месяц были в утомительной дороге и путь наш до Венеции, еще не близок. Так что, нам стоит воспользоваться гостеприимством, этого милого графа.

– «Милого»?! – в негодовании повторил лорд Глайд.

– Ну не ревнуйте, Джон, – обнимая его за шею, нежно проговорила леди.

Тут до них донеслось чье-то приятное пение, раздающееся под балконом.

– Что это? – удивился Глайд.

– Мне кажется, поют, – ответила леди, с интересом подойдя к окну.

Внизу стоял и улыбался граф де Лавон, играя на виуэле. В кустах ему подыгрывали несколько менестрели.

Это пение пришлось по душе леди Нортгумберленд, что нельзя было сказать о г-не Глайде. Подойдя к окну, он с презрением взглянул на графа, и раздраженно произнес:

– Порадуйтесь миледи, кажется, этот щенок влюблен в вас.

– Мне тоже так кажется, и на вашем месте я бы опасалась

этого неопытного сердцеда, как бы он не переманил вашу возлюбленную, на свою сторону, – произнесла кокетливо леди, дабы вызвать ревность у англичанина.

– У вас одни глупости в голове, – сказал лорд Глайд, садясь в кресло. – Вы бы лучше подумали, как мы будем жить дальше. Признаться, я начинаю жалеть, что сорвал вашу свадьбу, с лордом Гилмором.

– Но почему, что я вам дурного сделала? – с легким испугом спросила леди.

– Вы ничего дурного мне не сделали, сударыня. Просто я совершил ошибку, когда не позволил вам выйти замуж, за богатого господина, и тем самым, обрек вас на нищету со мной.

– Но меня не тяготит ваша бедность, мне нужны только вы.

– Зато, она тяготит меня, а ваша свадьба, с лордом Гилмором, могла помочь восстановить мое состояние, и имя.

– Каким же образом? – удивилась леди.

– Лорд Гилмор был уже стар, и вскоре отправился бы к праотцам, тогда бы я на вас женился и стал богатым мужем. Но что теперь говорить, все кончено, – вздыхая, произнес лорд Глайд, но призадумавшись, добавил: – А в прочем, не все еще потеряно. Граф де Лавон, пожалуй, еще богаче будет, чем лорд Гилмор! Вот что Маргарет, проявите к графу ответные чувства, и если удача будет на нашей стороне, вы будете его женой.

– Я не хочу обманывать графа, тем более в чувствах. Мне ли не знать, что нет страшнее яда, чем безответная любовь. Пора со всем этим кончать, пока это не переросло в более глубокие чувства. Он так к нам добр, этот наивный сударь.

– Чепуха, какая к черту доброта, он просто непосредственный глупец, – гнул свое лорд Глайд.

– Вы не правы Джон, пора кончать этот театр и ехать дальше.

– Этот влюбленный безумец, сделает все, чтобы мы остались здесь на десять дней. Уж поверьте мне.

– В таком случае я ему скажу, что у меня на сердце другой, и что все его старания напрасны, – юная леди, хотела уже покинуть свою комнату, однако голос Глайда, остановил ее.

. – Своим признанием, ты обрекаешь меня, на нищету.

– А если дело дойдет до свадьбы? – растерянно спросила леди.

– Тем лучше, вы станете богатой женой.

– Но г-н де Лавон, не лорд Гилмор, и так скоро к праотцам, он не отправится. Не хотите же вы сказать, что будете ждать старости графа, в надежде пережить его?

– Конечно же, нет. Вы можете при желании овдоветь, через день после свадьбы.

– «Через день после свадьбы?», – переспросила леди. – Не значит ли дорогой мой «брат», что мне придется его убить?

– Вы догадливы «сестра» моя. Но начать нужно с его дяди, г-на Сайега, ведь граф его единственный наследник.

– Убить человека, о нет, этого не будет, никогда!

– А-а, так вы его должно быть сами любите, и ломаете передо мной комедию! Ну что же, совет вам и любовь, оставайтесь с ним, а я, как только починят карету, уезжаю в Венецию.

– Как вы можете, говорить такое, ведь я люблю вас. Просто отец, перед своим арестом, говорил моей матери: «Дороги, если не хочешь, чтобы наши дети повторили мою судьбу, учи их не переступать заповедей Божьих».

– Все это глупости, Маргарет, – произнес лорд Глайд. – Так может рассуждать только неудачник. Если бы ваш отец, не был так самоуверен в заговоре, все вышло бы иначе. А теперь, если вы действительно любите меня, решайтесь!

– Ах, право, я не знаю, – тревожно произнесла леди, сжав в волнении руки. – Все это, мне не по душе.

– Решайтесь!

– Я согласна, – произнесла леди Нортумберленд.

– Вот и умница, теперь приводите себя в порядок, и выходите к нему.

Исполнив все то, что ей повелел лорд Глайд, леди вышла к графу, в тот час, когда он допевал последний куплет.

– Bravo граф! – раздался вдруг голос лорда Глайда. – Простите, что помешал вашей идиллии.

– Это вы меня простите лорд Глайд, должно быть, мое пе-

ние разбудило весь дом, – с виноватой улыбкой проговорил граф де Лавон.

– Что вы граф, вы пели так красиво. Судя по всему, вы произвели на мою сестру впечатления, и на меня признаться тоже.

– Мне лестно слышать, я впервые в жизни написал стихи, – признался граф.

– Вот как, а с виду и не скажешь. Вы поэт.

– Благодарю, – в поклоне произнес, граф де Лавон.

– Хотя сейчас не время для бесед, но мне нужно вам кое что сказать. Почему бы нам с вами не прогуляться, ночь такая теплая, и так удивительно пахнут цветы в вашем саду.

– Я с удовольствием составлю вам компанию, лорд.

Они прогуливались по лавандовому полю, от которого веяло приятными ароматами. Лорд Глайд продолжал свой разговор:

– Хочу признаться, мой милый граф, быть может, это не прилично, но моя сестра в вас влюблена.

– Это она вам сама сказала? – с глазами полными надежд, спросил Эмиль.

– О да, сейчас, она об этом мне призналась, в своей комнате.

– Не скрою от вас, я тоже влюблен в вашу сестру, – признался де Лавон.

– Ну и отлично, так в чем же дело, женитесь на ней, и делу конец.

– А она не откажет? – все еще продолжал сомневаться юноша.

– Ну что вы граф, она об этом только и мечтает.

– Решено, я на ней женюсь. Завтра же, я объявлю о помолвке.

– Поторопитесь юноша, как вы заметили леди Глайд, очаровательна, к ней сватались лучшие лорды Лондона, но предпочла она только вас. Действуйте быстрее, фортуна может отвернуться от вас.

Услышав это, граф де Лавон, поспешил сообщить леди Глайд, о своем намерении.

Между тем, Маргарет, сидела на скамейке, и, смотрела на ночное небо, усеянное серебристыми звездами. По ее щекам катились слезы. Свет луны освещал ее лик, от чего она была еще прекрасней.

Граф встал на одно колено и подал ей букет, только что сорванных лилий.

– Ах, благодарю вас граф, вы так добры, – проговорила печально леди.

– Я слышал от вашего брата, что вы в меня влюблены, это правда?

– О, да, я влюблена в вас, – грустно произнесла девушка.

– Если это так, то я готов уже завтра помолвиться с вами.

В ответ леди заплакала.

– Вы плачете, скажите откровенно, это брат вас заставляет на мне жениться? Я все пойму, и настаивать на браке не ста-

ну.

О, как был близок к истине этот юноша. О, если бы он знал, какие неприятности ждут его за этим признанием.

– Что вы граф, я полюбила вас всем сердцем, – отвечала леди, вытирая слезы. – А плачу я, от того, что в моей жизни, не было еще столько счастья.

– Быть может, вы влюблены в другого человека и не хотите меня обидеть отказом?

В этот момент, леди хотелось во всем признаться графу, но у нее в ушах звучали слова лорда Глайда, чтобы она не смела, ни в чем сознаться.

*– В далеком небе вижу звезд мерцания,
Как золотом усыплен небосвод.
Но ярче звезд, огонь очей твоих сверкания,
Напоминающий мою любовь.*

*И пьян, и нежен, от любви твоей,
Я вновь стою, у твоего окна,
И взора нежного не стоя,
Лишь о любви молю тебя.*

Приди, не медли, не томи, напрасно!

Спешу увидеть блеск очей твой вновь...

Приди, приди, о не томи напрасно.

Приди! ... Приди моя любовь.

ГЛАВА IV

Преступна графская жена.

И брат ее – не брат...

Юный граф добился своего, леди согласилась выйти за него замуж. Долго со свадьбой медлить юноша не стал, и через месяц устроил в честь графини бал. Можете только себе представить, какой праздник устроил Эмиль, в честь своей возлюбленной! В гости на свадьбу, позвали всех вельмож, каких только удалось найти в округи.

С утра до поздней ночи, играла музыка, был маскарад, фейерверки. Граф был счастливейшим из мужей. Его жена, была самым очарованием. «Ах, как прекрасна графиня, ах, что за статья!», – доносились среди гостей дифирамбы. «Клянись честью, господа, во всем Провансе, я не встречал женщин подобной красоты!», – перешептывались между собой кавалеры.

Был первый или второй час ночи. У графа де Лавона стоял шум в ушах. В перерыве между танцами, новобрачные встретились за трапезой. Графиня отказалась от еды и от вина, утоляя жажду лишь апельсинами, мякоть которых она без счета очищала от пахучей, легко отделявшейся, кожуры. Избранница, поминутно вынимала из рукавчика тончайший батистовый платок, покрытый золотой вышивкой, а в углу

его, выделялись корона и английский герб, что еще более подтверждало ее хорошую родословную. Утирая платочком струйки сока по краям коралловых губ, и между липкими пальчиками, она, смеясь, не прерывая оживленного разговора, машинально засовывала платок назад, за рукав.

– Скажите графиня, был ли наш брак для вас желанным? – шепнул ей на ушко Эмиль де Лавон.

– Разве я дала повод усомниться? – удивилась леди.

– Танцуя с кавалером, вы с ним кокетничали, я это заметил, – сказал Эмиль, чье лицо сконфужено покраснело.

– Как же вы смогли меня узнать, ведь я была под маской? – осведомилась графиня.

– Я вас могу узнать, под любой маской, – нежно проговорил граф, целуя ее ладонь, от которых пахло апельсинами.

– Вы меня заинтриговали, – кокетливо сказала графиня. – Но вы сами виноваты, ушли, оставили меня одну, вот я и заскучала.

– Вы обвиняете меня, – с улыбкой проговорил граф, покачивая головой, – но обвинения, я должен признать, справедливы. Быть посему, с этой минуты, я не отойду от вас ни на шаг.

После получасового перерыва, снова начались танцы. Граф сдержал свое слово и с той минуты, он не отлучался от графини. Танцуя с молодой супругой, Эмиль не сводил с нее влюбленных глаз. Они были словно созданы для аллеманды, так что никто, не мог сравниться с ними. Статный

граф, с нежностью вел за руку, утонченную Марго. Парируя с ним в повороте, графиня де Лавон, сжимала его надежные руки, каждый раз одаривая его шаловливым смехом. В ответ, граф улыбался теплой улыбкой. В конце танца, по обычаю тех времен, Эмиль, припал на колени и прижал к своим губам, шлейф ее платья. Закрыв глаза, он ощутил что-то новое, прежде еще неиспытанное. Это острое, пронизывающее сверху донизу чувство, было схоже с тайной, сказанной кем-то шепотом в темноте. Вдруг раздался пронзительный визг дам. « Он умер, какой ужас!», – разносились голоса.

Все застыли в танце, и музыка, и люди. Одновременно, все посмотрели в сторону гостиной, откуда еще продолжали доноситься крики гостей. Минуту длилось молчание. Графиня подбежала к мужу и нежно взяв его за руку, с вопросом посмотрела ему в глаза.

– Что произошло? – тревожно спросил Эмиль.

– Ужас, какое несчастье, – кричал господин, подбегающий к графу. – Граф Сайег, граф Сайег! – твердил он невпопад.

– Что, что с моим дядей? – тревожно спросил граф де Лавон.

– Он умер, – с ужасом в голосе, ответил тот.

Затем начался переполох. Часть гостей бросилась за графом, который метнулся на место грянувшего несчастья. На встречу ему шли возбужденные, которые плакали и спорили, перебивая друг друга. **визитеры**³

³ (Визитёр – то же самое, что и гости.)

– Ах, бедный граф, какой он был дворянин, – в отчаянии повторяли гости.

Граф де Лавон, вбежал в зал, где скопился обомлевший народ. Пробравшись сквозь толпу, он увидел своего дядю, лежавшего на полу.

– Дядя, дядя! – растеряно повторял граф, пытаясь привести его в чувства.

– Бесплезно юноша, мне очень жаль, но он мертв. Соболезную, – проговорил, скорбя, лекарь.

– Нет! Этого не может быть! – оторопел Эмиль, поднимаясь с колен. – Как это случилось?

– Не знаю юноша, сам в шоке, – признался герцог Клермо. – Мы с вашим дядей разговаривали об охоте, но едва он отпил глоток из бокала, как вдруг его лицо исказилось, он начал хватать ртом воздух, как будто поперхнулся, потом соскользнул с кресла, и умер. Я даже не успел ничего предпринять.

– Что же это может означать? – спросил растерянно Эмиль.

– Возможно, г-н де Сайег, умер от удара, – предположила одна из дам. – Все мы под Богом ходим.

– Нет, это ни удар, – возразил лекарь. – Смерть графа де Сайега, нельзя назвать естественной.

– Что вы хотите, этим, сказать? – спросил граф де Лавон.

– Я хочу сказать, что вашего дядю отравили. На бокале остался осадок от яда, состав которого, к сожалению, мне

неизвестен.

– Значит, дядю убили? – еле слышно спросил граф де Лавон.

– Выходит так, – кивнул лекарь.

– Кто это мог сделать? – спросил с ужасом в голосе, юноша.

– Могу вам только одно сказать, это кто-то сделал из своих, – ответил Томас – чужих здесь не было, так как слуги, пропускали гостей по списку приглашенных.

– Под маской, мог, проникнуть и чужой, – произнес один из кавалеров.

– А вы не подозреваете герцога Клермо, – шепнул на ухо графу, лорд Глайд, – ему проще всего было отправить сотрапезника, на тот свет?

– Что вы такое говорите, лорд? – возмущено произнес г-н де Лавон. – Герцог, лучший друг графа де Сайега. Он несколько раз, спас на войне, жизнь моему дяде.

– Простите, я этого не знал.

Огорченные событием гости, в скором времени, покинули замок. После ухода гостей, граф собрал всех слуг, и приказал им, обыскать все окрестности замка.

– Если увидите кого-то чужого или подозрительного, задержите его, и приведите в замок, живым или мертвым! – повелел он, после чего дюжина всадников отправилась на поиски.

Когда замок совсем опустел, граф не желая больше ни

с кем разговаривать, отправился в свой кабинет. Он пробыл там всю ночь, сидя возле камина, так до конца еще не осознавая, что произошло. Лишь бледными губами, юноша без устали клялся: – «Я все равно найду убийцу, все равно, чего бы мне это не стоило, даже если мне придется заплатить за это ценою собственной жизни».

Время шло, и постепенно все ужасное забылось, как и забывается все остальное. Но, к сожалению, преступления, в доме графа де Лавона, на этом не окончились. Прошло полгода, как новая беда, нависла над замком графа.

Однажды леди Глайд, подсыпала яд в вино, которое, как обычно, должны были принести графу, в библиотеку. У Эмиля была великолепная, огромная библиотека, в которой он имел привычку – посидеть, с бутылкой хорошего вина и книгой испанских писателей, того времени. Но Бог оберг графа. Был у де Лавона, старый слуга – с одним-единственным грешком за душой, – любил выпить. Принеся вино в библиотеку, слуга по своему обыкновению, позволил себе маленький глоточек... Этого вполне хватило, чтобы он представился.

Едва заслышав стук падающего тела, у графини де Лавон замерло сердцем, а ужас обуял все ее существо. Но вбежав

в библиотеку, она к своему облегчению поняла, что вместо де Лавона умер его слуга. Следом за ней вошел супруг. Схватив его крепко за руку, графиня обняла его, и заплакала навзрыд. За эти месяцы супружества, у нее появилась привязанность и уважение к Эмилю.

– Боже, как я за вас испугалась. Я вас люблю граф, как не любила никого, – призналась г-жа де Лавон, на этот раз, искренне.

– Я тоже вас люблю Марго, чего же вы испугались? – осведомился Эмиль.

– Мне вдруг вспомнилась наша свадьба, и я испугалась, что вас могут тоже убить, как когда-то вашего дядюшку.

– Успокойтесь Марго, – пытался утешить ее де Лавон, хотя у самого все клокотало внутри.

Эмиль позвал слуг и лекаря. На этот раз, лекарь ничего подозрительного не увидел, заключив, что у слуги случился удар. Граф де Лавон согласился с заключением лекаря, так как старик был в преклонных годах.

Саму же графиню, всю трясло, словно в лихорадке. Увидев бледное лицо г-жи де Лавон, Эмиль подошел к супруге, и взяв ее ледяные руки в свои, озабочено спросил:

– Что с вами, сударыня?

– Ничего особенного, просто я переволновалась.

– Выпейте лучше вина Марго, оно вас успокоит, – с улыбкой проговорил юноша и, подойдя к своему письменному столу, он начал наливать в бокал, то самое вино.

– Нет! – воскликнула леди, подбежав к нему.

Она выхватила у него из рук бутылку и бокал, и бросила на пол.

– Ах, простите, – почти в истерике сказала графиня, спрятав лицо на груди де Лавона.

– Что с вами, Марго? – ошеломленно спросил де Лавон, ничего не понимая.

– Я вдруг подумала, что там может быть яд, – ответила леди.

Граф поцеловал жену и предложил ей отдохнуть.

– Я и вправду, что-то плохо себя чувствую, – призналась графиня. – Я пожалуй, пойду.

– Вас проводить? – спросил граф.

– Нет, благодарю, – ответила Маргарет, после чего спешно покинула кабинет.

Направляясь в свою комнату, леди столкнулась в коридоре с лордом Глайдом.

– Вы здорово сыграли, сестра! – ликовал «брат», кто все это время подслушивал под дверью, их с графом разговор.

– Я вовсе не играла, я кажется, начинаю привязываться к графу. Я не смогу его убить, – призналась Маргарет, еще не отойдя от шока.

– Да вы что, опомнитесь, как же наши деньги? – говорил Глайд.

– Но ведь это жестоко, убивать Эмиля, ради денег, – сказала сообщница.

– А если я буду в долговой яме, это будет не жестоко?!

– Убивайте его сами, коли желаете, – со злостью в голосе произнесла графиня, поспешив уйти.

ГЛАВА V

Нефритовая лилия

Лорду Глайд перестало нравиться поведение графини. Все реже она навещала его по ночам, и все чаще он видел ее в объятьях графа.

«Еще ни много, и Маргарет испортит все мои планы», – думал англичанин.

Боясь, что его соучастница перейдет на сторону графа, и расскажет ему о всех злодеяниях, англичанин решил ускорить умысел.

Однажды он услышал, как посыльный передал Эмилю приглашение от герцога Клермо, участвовать в охоте. Сэр Джон Глайд, сразу сообразил, что убить графа на охоте будет проще простого. Остановив в коридоре г-жу де Лавон, лорд Глайд ввел ее в свою комнату, и с ликованием сообщил:

– Поздравляю, наш план скоро сработает!

– Что это значит? – с заметным волнением спросил графиня.

– Герцог Клермо, пригласил графа де Лавона на охоту, – ответил сэр.

– И что с того?

– А то, что подстроить смерть на охоте, будет легче простого.

– Послушайте Джонни, а может, отложим все это, Эмиль

так добр ко мне и к вам.

– Да вы что, сударыня! Я полгода выжидал, такого удачного случая. Пора кончать с этим графом, признаться, он мне уже порядочно надоел.

– Но ведь это низко и жестоко!

– Опять вы о жестокости! А не жестоко, что ваш супруг живет в такой роскоши, когда я не имею ни кола ни двора, надеясь только на теткинo наследство, от которого я получу гроши. Ваш любезный граф оказывается в хорошей дружбе с лордом Ричмондом, которому я должен полмиллиона фунтов. А если граф пригласит его сюда, и он узнает, что я здесь с вами, вы представляете, в какие мы попадем неприятности. Он непременно расскажет обо всем графу, и тогда меня уже ничего не спасет от тюрьмы.

В то время, ничего неподозревающий граф де Лавон, сидел у себя в библиотеке, читая внимательно книгу. Зная, что супруг это время дня, проводит в библиотеке, графиня встревожено открыла дверь и не смело вошла в кабинет.

– Вам что-то нужно, сударыня? – спросил, как всегда с улыбкой граф, с любовью посмотрев на супругу.

– Я слышала, что вы собираетесь отправиться на охоту? – робко спросила Маргарет.

– Да, меня действительно, герцог Клермо пригласил на охоту. Я как раз, хотел вам предложить, отправиться со мной.

– Признаться, я не люблю охоту.

– Мне очень жаль графиня, что вы мне не составите компанию, но настаивать на этом я не буду.

– Когда же охота?

– Завтра.

– Уже завтра? – переспросила графиня, в чьих глазах отразился страх.

– Вы чего-то боитесь, Марго? – спросил граф, и подойдя к супруге, бережно обнял ее – Вы как будто, что-то хотите мне сказать, но не решаетесь?

– Вам показалось, – ответила леди, отстранив его от себя.

– Возможно, – согласился Эмиль.

– А вы можете, отказаться от охоты? – осторожно спросила Маргарет.

– Увы, я уже дал свое согласие герцогу.

– Почему же так скоро?

– Вас это не устраивает?

– Я просто не хочу, что бы вы уезжали.

– Не скрою от вас сударыня, что я и сам не жажду ехать на охоту, но отказаться я уже не могу, так как – это дело чести. Я многим обязан герцогу.

– Ваша честность, вас и погубит, – отрезала г-жа де Лавон.

– Я вижу сударыня, вы сегодня не в духе, но я кажется знаю, что вас может успокоить и развеселить, – граф позволил в колокольчик и на его зов пришел Томас. – Принесите из моей комнаты, подарок для графини.

– Слушаюсь, г-н граф.

Через несколько минут, Томас принес крошечный ларец, в котором лежали нефритовые сережки, сделанные в виде цветка лилии.

– Это вам, сударыня.

– Какая прелесть!

– Они вам понравились? – осведомился де Лавон.

– Безусловно, они очень милы, – признала леди.

– Я не случайно выбрал этот камень. Я купил его у одного купца, утверждающего, что нефрит, отстраняет удары молнии. Носите их сударыня, вспоминая о нашей первой встрече, ибо гроза и непогода нас сплотила. К тому же, они так подходят к вашим чарующим глазам.

– А почему вы решили заказать их сделать, в виде лилии? – осведомилась Маргарет, примеряя сережки.

– Это герб Франции, и потом лилии, ваши любимые цветы, – напомнил граф де Лавон, наслаждаясь радостями супружества. – Да, я должен признать, мои ювелиры славно поработали.

– Благодарю вас Эмиль, мне право неловко, вы забрасываете меня подарками.

– Вот вы и улыбнулись сударыня, чему я бесконечно рад.

ГЛАВА VI

Смертельная схватка

Когда на следующее утро, из-за холмов на востоке от Прованса, взошло бледно-рыжее солнце, каким оно бывает в погожие дни октября, во дворе все было в движении, уже добрых два часа.

Дабы не опоздать, граф де Лавон и лорд Глайд, поспешно вышли из дома и сели на лошадей, которые поджидали их во дворе. Лорд Глайд пришпорил коня и помчался вперед, а Эмиль, приостановив резвую лошадь, махнул на прощание рукой графини, которая стояла в это время у окна, провожая его взглядом. В ответ, она тоже неуверенно помахала рукой, и де Лавон помчался вслед за Глайдом.

И вот началась охота. Доезжачий сообщил герцогу, что крупный кабан засел в колючих зарослях, ручаясь, что с тех пор как они обошли его логово, зверь не выходил. По следу пустили ищейку, которой быстро удалось найти кабана, и лаем заставить его подняться из зарослей.⁴

Напуганный лаем кабан, недовольно хрюкнул и припустил напрямик в десяти шагах от герцога. Возбужденный охотой герцог, велел спустить со смычка остальных собак

⁴ Доезжачий – старший псарь, обучающий борзых и гончих собак и распоряжающийся ими на охоте.

и двадцать гончих, бросились вслед за зверем. ⁵

Едва кабан перебежал дорогу герцогу, г-н де Клермо протрубил « по зрячему!», после чего поскакал за трофеем. За герцогом в числе вельмож, ехал граф де Лавон и лорд Глайд. ⁶

Издали доносился лай своры, состоявшей, из шестидесяти собак, так как на зверя спускали одну за другой запасные стаи, оказавшихся там, где пробежал кабан. Предвидя вепря, герцог протрубил из-за всех сил в рог, и помчался напрямую через бор.

Вельможи следовали за ним. Увлеченный охотой, г-н де Клермо не видя дороги, мчался по буеракам и чащобам. Не отстававший от герцога, де Лавон, скакал невдалеке, но в какой-то миг, ремешок от седла расстегнулся, и граф на всем скаку свалился с лошади, благо не поломав себе, ничего при этом. Обеспокоенные состоянием графа, охотники приостановили лошадей и спросили:

– С вами все хорошо, господин де Лавон?

– Кажется, да, – ответил граф, поднимаясь с земли.

– Как же вы так? – спросил герцог де Клермо.

– Какой-то умник, мне плохо затянул ремешок у седла.

Узнаю кто, выпорю.

⁵ **Смычок*** – два ошейника, соединенные короткой цепью.

⁶ По зрячему! – в данном случае, это сигнал символизирующий начало охоты с собаками, которые преследуют зверя, ни при помощи обоняния, а при помощи зрения.

– С вами точно все хорошо? – тревожно спросил герцог.

– Не беспокойтесь господа, продолжайте охоту! – сказал де Лавон, затягивая туго ремень у седла.

Убедившись, что с графом все благополучно, г-н де Клермо вновь протрубил в рог, и припустил коня.

– Догоняйте нас, граф! – едва успел прокричать, уже издали герцог.

За ним последовали и все остальные охотники, оставляя за собой клубы пыли. Приведя себя в порядок, юноша сел на лошадь, но уезжать с этого места не спешил, так как сквозь заросли кустарника, он увидел необычайной красоты природу. Эмиль слез с лошади и решил подойти ближе к краю скалы, дабы насладиться всеми красотами.

Перед ним открылись широкие просторы. Вдали виднелись высокие скалы Сенте-Виконт, с них вниз спадали лазурные водопады, хвойные леса дополняли к этому пейзажу, некую необычайную окраску.

Подойдя к краю, граф посмотрел в пропасть, в которую бурными потоками падала вода. Позабыв обо всем, де Лавон заморожено продолжал любоваться природой, даже не подозревая, что в зарослях кустарника, за ним наблюдал лорд Глайд.

Всю охоту англичанин терпеливо выжидал, когда Эмиль останется один, без придворных. И вот, наконец, он дождался подходящего случая. Лучшего места для убийства, не придумаешь, тишь, высокие скалы, пропасть куда можно

будет сбросить тело. За три секунды Глайд рассчитал весь план преступления, после чего подкрался ближе к жертве, и выстрелил.

Каким-то чудом, граф отклонился в сторону, так что пуля лишь задела руку. Ухватившись за предплечье, молодой человек отошел от края, встревожено озирая лес. Наконец его взгляд, соприкоснувшись с черным силуэтом, который поспешно исчез в кроне листьев. Не давая опомниться противнику, Эмиль вскочил на коня, и помчался вслед за ним.

Противник скакал вдоль тропы, проходившей по всему склону горы. У графа был заряженный пистолет, прицелившись, он попал в лошадь. С ржанием лошадь противника, споткнувшись об подстреленную ногу, сделала в воздухе кульбит, упала, сбросив хозяина из седла.

В двух прыжках де Лавон, оказался возле несостоявшегося убийцы, приставив к его горлу клинок от шпаги. Но увидев разъяренный взгляд Глайда, тот отпрянул назад.

– Вы, ну зачем? – сказал растеряно юноша. – Зачем вы это сделали?

– Да потому что, я вас ненавижу граф, больше всех на свете! – признался Глайд, сжав от ярости зубы.

– Извольте пояснить, что вызвала у вас такую «любовь» ко мне, – осведомился юноша. – Разве я вас чем-нибудь обидел? Я принял вас в свой дом, как дорогого гостя, а в благодарность, едва не лишился жизни?! Хорошо же вы платите, своим благодетелям. Быть может, это вы, моего дядю, на тот

свет отправили? – задал вопрос граф, едва себя сдерживая, чтобы не воткнуть в горло англичанина клинок.

– Да, это я его убил, – признался Глайд.

– Быть может и сестра ваша к этому причастна? – спросил граф, испугавшись собственного вопроса. – Нет, молчите, если вы произнесете хоть одно слово, клянусь честью, я вас убью!

– Маргарет мне не сестра, – неожиданно ответил Глайд, – она моя любовница. Я специально сосватал ее вам. После вашей смерти, Марго осталась бы богатой вдовой, и я бы, тогда смог на ней жениться. Это она вам подсыпала яд, который выпил ваш слуга.

– Мерзавец!

Свет померк в его глазах, так что граф едва не потерял сознание. Ужас, страх и отвращение, отразились на его лице. Он был обманут, и обманут кем? Волками в овечьих шкурах. Однако несмотря на все старания, Эмиль не мог убить своего врага, по той простой причине, что его рука еще никогда не проливали ни чьей крови.

– Проклятье! – отчаянно воскликнул де Лавон, в ярости воткнув шпагу в землю. – Вставайте сударь. Я вызываю вас, на дуэль! Деремса немедленно! Выиграете вы, все будет по-вашему, нет, не обессудьте... Дуэль будет, насмерть!

– А как же быть с секундантами? – спросил Глайд.

– Обойдемся без церемоний! И так, начнем?

Сэр Джон Глайд, одобрительно кивнул, обнажив свою

шпагу. Их шпаги со звоном скрестились. Глайд сделал первый выпад в сторону де Лавона.

Надо заметить, что место, на котором они остановились, было поистине опасным. Ущелье, куда устремлялся поток, был окружен блестящими черными, как уголь скалами. Горный поток низвергался в бездонную пропасть, а брызги, взлетающие из нее, были схожи с дымом из горящего ада. Внизу, на неизмеримой глубине, вода превращалась в пенящийся, кипящий колодец, который переполняясь, со страшной силой, выбрасывал воду на зубчатые скалы.

Склон, на котором дрались два противника, был необычайно узок. Враги упрямо шли друг против друга, то и дело, пытаясь сбросить соперника со скалы.

В какой-то момент, Глайд смело ринулся вперед, но при этом плохо рассчитал длину шпаги графа де Лавона, которую наш герой, держал прижатой к туловищу. Едва Глайд попытался атаковать его, как рука графа, внезапно развернулась, словно туго сжатая пружина, и клинок проколол Глайду бедро.

Схватившись за рану, Глайд отступил назад, а граф де Лавон хладнокровно, обмотал плащ вокруг своей левой руки, превратив его, таким образом, в щит. Отойдя от боли, Глайд не теряя надежды на победу, вновь скрестил шпаги. Эмиль при этом, не переставал вертеть шпагой во все стороны, и каждую минуту, делал добрый десяток бросков, порой ощущая мягкое сопротивление живой плоти, свидетель-

ствующее, что удар достиг цели. Вдруг он поскользнулся, и невольно взглянул себе под ноги. Этим, мгновенно воспользовался Глайд и нанес ему удар в бок.

– Попал! – радостно закричал тот.

– Не дождетесь, сударь! – ответил бесстрастно де Лавон, не желавший признаться, что ранен.

Джон отлично владел шпагой, и юноше приходилось туго с противником, ведь прежде, с настоящим соперником, ему дел иметь не приходилось.

Эмиль отпрыгнул назад, положив расстояние в три шага, между собой и своим противником; шпага устремилась в след и быстро догнала его, но слишком поздно: граф успел сделать еще один скачок, и прислониться к скале.

Внезапно юноша почувствовал, что лоб его покрылся испариной, а в глазах потемнело.

Де Лавон совсем позабыл о своей ране, и эти признаки приближающегося обморока, напомнили ему о ней. В какой-то момент, ему показалось, что время замедлило свой ход. Перед его мысленным взором, возник облик графа де Сайега, как бы говорившего: «Дитя мое, придерживайтесь традиций старинной итальянской школы, и да хранит вас Бог!».

Чувствуя, что напор лорда Глайда, он выдержит не более пяти минут, де Лавон попробовал атаку, заключавшуюся в прямом ударе, маневре «ин кварта, ин сикста» и последующем выпаде, заканчивающимся ударом по кисти.

– Ага, ты слабеешь, – крикнул Глайд, учащая удары.

– Судите сами, – произнес не на шутку, разъяренный граф де Лавон. – Вот, получай!

Не внимая на рану, граф продолжал драться. В нескольких прыжках он выбил шпагу из руки Глайда с такой силой, что она отлетела на десять шагов в сторону.

– Теперь, вы, прощайтесь с жизнью, лорд Глайд!

Несмотря на свою победу над врагом, граф по-прежнему не решался его убивать. С досадой, он убрал шпагу в ножны, и велел тому убираться, на все четыре стороны. Сжавшись как уж, лорд Глайд сделал вид что уходит, но едва де Лавон повернулся к нему спиной, как тот, выхватив охотничий нож, попытался нанести графу подлый удар в спину. К счастью Эмиль вовремя обернулся, и ухватился за кисть сэра, державшего на острие ножа – его смерть. Минутное сопротивление и кинжал воткнулся в плоть англичанина.

От неожиданного удара, с растерянностью на лице, лорд Глайд схватился за проткнутую грудь, и рухнул в бездну с адским криком.

Пять минут юноша стоял в недоумении, нагнувшись над обрывом, наблюдая, как тело его врага летело в пропасть. Он видел, как Глайд, не долетев до воды, ударился о выступ скалы и погрузился в воду.

После всего этого, де Лавон подошел к лошади, которая была свидетелем всех этих, ужасных событий.

В голове де Лавона все перемешалось. Три раза он по-

пытался сесть на лошадь, но безуспешно падал на землю, что придавало ему еще большую боль. После третьего раза, граф почувствовал, что силы его оставляют. Он попробовал встать, но ни руки, ни ноги его уже не слушались, будто их кто-то приковал к земле. После этого Эмиль почувствовал, как его глаза застилает ледяной туман, и последние искры сознания потухают.

ГЛАВА VII

Преступление и наказание

Очнулся де Лавон в сумрачной комнате, освещенной лишь догоравшей на подсвечнике свечой. Рядом сидела девушка, судя по всему служанка. Облокотившись об спинку стула, она мирно спала.

Де Лавон лежал на кровати резного дерева, из тех, что изготовлялись во времена Карла IX. На графе была новая рубашка, расшитая золотом.⁷

Блуждая по комнате взглядом, Эмиль догадался, что находится в доме какого-то господина, который судя по всему, нашел его в горах. За окном была глубокая ночь. Граф мог на всех основаниях оставаться в доме хозяев, до полного выздоровления, но чувства мести, побуждало его вернуться домой, и расправиться с женой, за все ее злодеяния.

Поднимаясь с кровати, де Лавон ощутил жгучую боль раны. Как можно тише он оделся и спустился вниз. Словно вор, граф покинул гостеприимный дом и найдя у коновязи свою лошадь, помчался в свое имение.

Подъезжая к дому, Эмиль посмотрел на угол третьего этажа замка. В том окне, где была их спальня, горел свет. «Быть

⁷ Карл IX (1550 – 1574) – предпоследний король Франции из династии Валуа, с 5 декабря 1560 года. Второй сын короля Генриха II и Екатерины Медичи.

может, она сейчас переживает за меня?», – утешал себя де Лавон, не сводя глаз с горящего окна.

Подъехав к решетчатым воротам, граф постучался. Увидев, что хозяин едва держится в седле, Томас незамедлительно открыл ворота и впустил его во двор. Слуги помогли слезть де Лавону с лошади, и проводили до дома. Приближаясь к дому, Эмиль попросил одного из слуг, ждать его с лодкой, возле озера.

– Г-н граф! Мне сообщить графине о вас, она уже три раза осведомлялась о вас?

– Не надо.

Де Лавон поднимался по лестнице, с смутным чувством ненависти и любви. Наконец, его привели в их с графиней покои. Графиня подбежала к г-ну де Лавону, пытаясь приронуться к его лицу, но граф, не дал ей этого сделать.

– Боже мой, Эмиль, что с вами? – увидев, что граф держится за бедро, Маргарет воскликнула: – Вы ранены? Эй, кто-нибудь, лекаря!

– Не тревожьтесь сударыня, я сам в состоянии позвать себе лекаря, – сказал де Лавон, ложась на кровать.

В ту же секунду, в комнату вошел лекарь и, начал осматривать рану.

– Что с вами случилось? – спросила графиня.

– И вы еще спрашиваете Марго? – спросил де Лавон, с укором поглядев на супругу.

– Почему вы на меня так смотрите, и где лорд Глайд?

– Оставьте нас, – повелел граф, слугам.

– Простите, господин граф, но я еще не осмотрел вашу рану, – сказал лекарь.

– Оставьте, я сказал! – слегка повысив голос, повторил свое повеление де Лавон.

Кланяясь слуги и лекарь, покинули комнату, а Маргарет став на колени возле кровати, начала целовать его руки.

– Вам больно? – спросила графиня.

– Очень больно сударыня, очень, – признался де Лавон.

– Я верну лекаря, – графиня хотела бежать к двери, но де Лавон остановил ее.

– Не утруждайте себя, лекарь мне не поможет.

– Но ведь вы, не так уж серьезно ранены, к тому же, на рану уже кто-то наложил швы.

– Меня тяготит не рана, а предательство людей, которым я так доверял. Своим явлением с того света, я помешал вам примерить, наряд вдовы.

– Что вы такое говорите, Эмиль, вы бредите? – с растерянной улыбкой спросила графиня.

– Напротив, я пришел в себя, а до этого я бредил.

– Ничего не понимаю.

– Вы молились на ночь? – неожиданно спросил де Лавон, поднимаясь с кровати.

– Да, но почему вы спрашиваете? – робко спросила графиня.

– Не хотите ли вспомнить, какой-нибудь грех, который

терзает вас не первый день?

– Что вы хотите этим сказать, супруг мой?

– Молитесь скорее, потому что вы сейчас умрете.

– Умру? Но я слишком молода, чтобы умереть.

– Я тоже был слишком молод, чтобы умирать, однако, рука вашего брата поднялась.

– Что?

– Я готов вам простить все, сударыня, и разбитую жизнь, и вашу неверность, и все- то зло, проявленное мне. Но я не в состоянии простить смерти моего дяди. Вы умрете!

По взгляду супруга, графиня поняла, что тот не шутит. Страх овладел всем ее существом. Маргарет опрометью кинулась к двери, стремясь, во что бы то ни стало, покинуть комнату.

– Куда же вы, мадам? – спросил граф бесцеремонно схватив её за руку, и швырнул ее на пол.

– Мне же больно, Эмиль! – с обидой простонала леди, упав на колени.

Приземление оказалось для неё не самым мягким, ибо колени при падении, пронзила острая боль.

– А вы заслужили, иного обращения? – спросил вопросом на вопрос граф, сев в кресло у двери.

– Я не убивала вашего дядю, это Глайд его отравил.

– Зная о преступлениях Глайда, вы молчали, стало быть, вы причастны ко всему этому!

– Граф, я люблю вас, это Глайд меня уговорил вас погу-

бить, – говорила графиня.

– Я больше вам не верю, сударыня!

Колени болели и ныли, но Маргарет, поднявшись на ноги, попыталась покинуть комнату снова, но наступив себе на подол платья, вновь упала, успев всё же ухватиться лишь за дверную ручку. Ярость, обуяла все его сознание. Не помня себя, де Лавон в два прыжка, очутился возле нее и обхватив ее руками, поднял и бросил на кровать.

– Лучше не пытайтесь сбежать, вам же хуже будет, – зловеще проговорил де Лавон, не спеша, разматывая длинную веревку.

– Н-не-уж-жели... в-вы... – начала графиня, уползая вглубь кровати. – Вы убьёте меня?! – пришёл на смену заиканию, отчаянный крик.

– Да женушка, прощайтесь с жизнью! – продолжал граф.

Молодая женщина вдруг ощутила, как неприятный холодок поселился в груди, и в животе.

– О, прогоните, но не убивайте! Я молода! – без устали продолжала молить графиня.

– Что бы вы испортили, еще кому-нибудь жизнь? – спросил де Лавон, принявшись хладнокровно ее связывать.

Графиня, сопротивлялась с яростью голодной волчицы. Вцепившись зубами де Лавону в руку, она поцарапала ее, как дикая кошка. Ногами и руками она принялась яростно его колотить и вырывать, за что Эмиль дал ей пощёчину. Резко схватив, он перевернул её на живот, продолжая связы-

вать, ей сзади руки.

Закусив до крови нижнюю губу, чтобы сдержать сердитые слёзы обиды и унижения, Маргарет не теряя надежды вырваться из рук деспота, продолжала сопротивляться, издавая жалобный плач.

– Клянусь, я уйду в монастырь.

– Нет, – невозмутимо проговорил де Лавон, поставив колено на её спину, чтобы она не вырывалась.

– Дайте хоть, до утра пожить!

– Нет, умрешь сейчас!

– Ненавижу, гореть вам в Аду, палач!

– Вы окажетесь там раньше меня, сударыня, – усмехнулся граф. – Идемте!

Он схватил край веревки, и набросив на нее плащ, повел во двор, туда, где их уже ожидал слуга, которого граф попросил ему помочь.

– Куда вы меня тащите? – дрожащим от подступившего кома в горле и слёз, выдавила из себя Маргарет.

– К черному озеру, оттуда вы никогда больше не выберетесь, – ответил де Лавон.

Было прилично темно. Полную луну закрывали тучи, обгаренные первыми отблесками грозы. Впереди было огромное озеро, отражающее бурое небо, затянутое большими багряными тучами.

Время от времени, широкая молния, озаряла все небо, извиваясь над погнувшимися от частых ветров, ивами. В воздухе

чувствовался легкий, прохладный ветерок. Мертвое молчание тяготело над природой, земля была влажная и скользкая от недавнего дождя, от опавшей листвы, пахло сыростью.

Уже было около полуночи, когда граф, привел Маргарет к черному озеру. Возле реки их ждала лодка. Графиня, кто так смиренно и обреченно вела себя по дороге, упала на колени и протянула к графу руки... «Граф», – взмолилась она, – «простите меня, я ведь люблю вас».

У г-на де Лавона сжалось сердце и ему захотелось отменить казнь. В отличие от графа, у его слуги, этот инцидент, почему-то не вызвал ни капли жалости. Несмотря на свой небольшой рост, слуга проворно схватил бывшую графиню за руки, и волоком втащил в лодку.

– Остановись! – вдруг невольно воскликнул де Лавон.

Слуга остановился и повернул к нему свою ужасно мерзкую физиономию, которая, и в былые времена производила на г-на де Лавона неприятные впечатления, но в ту ночь, особенно. Пронизывающе взглянув на графа, единственным глазом, по той простой причине, что левый глаз был безжизненно затянут бельмом, слуга вдруг спросил зловещим голосом:

– В чем дело, хозяин?

– Ничего, – ответил твердо де Лавон, внезапно решив, доделать начатое.

В отблески молнии, графу показалось, что его слуга, садясь в лодку, без причины улыбался отвратительной улыб-

кой.

Граф вынужден был также плыть с ними – так как одному приходилось грести, а второму – следить, чтобы графиня не перерезала веревки и не сбежала.

На середине озера, граф убрал весла и бросил Маргарет в воду. Падая, леди испустила пронзительный крик, который было слышно за четыре лье. Де Лавон видел, как она беспомощно извиваясь, опускается на дно. Не в состоянии больше ее не видеть, не слышать, граф закрыв руками уши, распорядился плыть быстрее к берегу. Не помня себя и не видя ничего вокруг, Эмиль быстрым шагом, отправился в сторону замка.

Вернувшись в свою комнату, де Лавон не раздеваясь, упал на кровать.

– Г-н граф, не изволите переодеться? – озабоченно спросил Томас, войдя в спальню.

Эмиль, не желал ни с кем разговаривать и хотел было прикрикнуть на слугу, но все слова, застряли у него в горле. Язык был так же обессилен и изнеможен, как и вся его плоть. Как это ни мучительно было, но де Лавону пришлось уступить Томасу, позволив снять с себя одежду.

Свежее надетое белье, не согрело и не успокоило графа. Юноша дрожал от ярости и от страха, настолько сильного, что у него стучали зубы. В ушах продолжал стоять дикий крик супруги.

После ухода слуги, Эмиль накрыл голову одеялом, наме-

реваясь забыться сном. Однако, это было не так-то просто. В глазах у него было, то искаженная физиономия лорда Глайда, то умоляющее лицо графини де Лавон.

В комнате было темно и тихо, и лишь в своей клетке, беспокойно ворочался попугай. Со двора доносился звон колокола из часовни, во всем же остальном, царили мир и покой.

Усталость взяла свое, и без того, неясные мысли начали путаться и нарушать ход событий. Граф почувствовал, как с него постепенно начало спадать напряжение, ненавистные образы затуманились, и только сердце продолжало усиленно биться, но затем и оно успокоилось. В какой-то момент де Лавон, даже начал видеть, какой-то странный сон.

Снилось ему: светлое летнее утро, будто он идет по цветущему полю, и собирает удивительной красоты цветы. На душе его было легко, весело... По полю бегала Марго, ловя таких же беззаботных бабочек, как и она сама. Вновь граф видел ее улыбку, слышал ее звонкий смех, ее очаровательные зеленые глаза. Увидев его, графиня с радушием протянула к нему руки, но едва он захотел подойти к ней, как на его пути появился тот самый огненно-рыжий слуга, что присутствовал при казни. «Пойди, прочь, ничтожество!», – прикрикнул на него граф, на что, тот рассмеялся, зловещим противным смехом. «Граф убил свою жену!», – крикнул слуга, продолжая смеяться адским смехом, обнажив длинный зуб, торчащий из-под губы. «Я убил двух человек», – не менее ужасное, вдруг вспомнилось Эмилю.

Граф вздрогнул и как ужаленный, вскочил с постели... Сердце его бешено билось, в горле.

– Граф убил свою жену! – повторил вдруг попугай, – Какой же ты болван, Томас!

– Это попугай... – успокоил себя граф, и лег обратно в постель.

Эту фразу попугай услышал, когда сидел в библиотеке. В тот день Маргарет читала вслух графу, какую-то книгу, о неверной жене. Дойдя до предложения, «граф убил свою жену», графиня де Лавон неожиданно побледнела, а из ее глаз покатились слезы. Тогда Эмиль не понял, истиной причины расстройства супруги, поэтому принялся ее утешать.

«Кто бы мог подумать, что эта фраза, станет для нее пророческой, – подумал де Лавон. – Выходит она думала, что я с ней поступлю точно так же, поэтому и боялась мне обо всем рассказать».

Подумав об этом, Эмилю на душе, стало не выносимо тяжело. Как назло, попугай запомнил именно эту фразу, возможно по той причине, что графиня еще не раз повторяла: «граф убил свою жену».

Между тем, послышалось, как об стекло бьются капли дождя. Тучи, которые де Лавон видел на западе, во время казни жены, обложили теперь всё небо. Ярко блеснула молния и осветила своим светом всю комнату.

«Последняя гроза в этом году», – подумал граф. Вспомнилась ему и одна из первых гроз... Точно такой же гром, гре-

мел когда-то в лесу, когда в его дом постучалась леди Глайд и ее подлый любовник. В тот, значимый для графа вечер, в болотных глазах милого создания, светился страх.

Потеряв всякую надежду уснуть, де Лавон поднялся и сел на кровать. Тихий шорох дождя, постепенно превратился в шум, который граф так любил, когда его душа была еще свободна от грехов... Теперь же этот шум, показался ему жутким. Удар молнии следовал за ударом.

– Граф убил свою жену! – на свою голову крикнул попу-гай...

Эта, была последняя его фраза... Закрыв в слабовольном страхе глаза, де Лавон нащупал в темноте пистолет и зарядив его, пальнул. С криком и трепетом, птица забила крыльями и упала на дно клетке.

– Вот и еще, одна загубленная душа, – сам себе прогово-рил де Лавон.

«Ну ладно этого негодяя Глайда, а ее то за что, она ведь никого не убила? – ужаснулся собственной мысли де Лавон. – Боже, что я натворил! Но с другой стороны, лорд Глайд говорил, что она тоже хотела моей смерти. Значит она знала о намерениях любовника и молчала. Выходит она была при-частна к смерти моего дяди. Я думал что она меня любит, а это был всего лишь, гнусный спектакль. Осел, слепец, на-ивный мальчишка. Я был обманут, и кем? Обманут той, ко-торую любил больше жизни, которой доверял, ради которой поступился родовой честью. Теперь убив убийцу, я сам стал

убийцей. Моя честь, еще больше посрамлена, и эту грязь уже ничем не смыть».

Тут граф посмотрел на свою руку, державшую по-прежнему пистолет. «Смыть! – вдруг пришла лукавая мысль в голову де Лавона. – Смыть позор, можно только кровью!».

Зарядив пистолет вновь, юноша на этот раз, приложил дуло к виску и закрыв глаза, сам себе проговорил:

– Ничего, сейчас я смою грязь с твоей чести, граф де Лавон, и через минуту буду с тобой, милая.

Молодой человек нажал на спуск, но пистолет издал лишь щелчок. «Осечка», – подумал граф, выронив пистолет. Затем де Лавон почувствовал, как из-под ног уходит земля. Он попытался дойти до кровати, но ноги его уже не слушались, и юноша упал на пол. Ему показалось, что он падает в глубокую, темную яму. И больше де Лавон, ничего не чувствовал.

ГЛАВА VIII

«Смерть» графа де Лавона

Когда очнулся де Лавон, было уже светло. Ощупав все вокруг, он понял, что лежит в постели. Смутное сознание постепенно рассеялось, и в его поле зрения попала, улыбающаяся физиономия Томаса.

– Ну, слава Богу, вы очнулись! – бодро проговорил слуга, укутывая графа.

– Что со мной? – слабым голосом спросил де Лавон.

– У вас, от нервного расстройства, обморок случился, – ответил Томас, с радушием в голосе. – Уж заставили вы меня поволноваться, ваше сиятельство. Вхожу к вам в комнату, гляжу, вы лежите бледный, а рядом пистолет. Меня так страх и обуял, думаю, ну все, пропал мой господин, а нет, живехонький! И что это вам в голову пришло, в темноте, по попугаям стрелять? Позвали б меня, я б вам свечи зажег, птиц побольше бы достал.

Задор в голосе слуги, поднял дух графу, что тот невольно улыбнулся.

– Вот вы и улыбнулись, а мне старику радость, – произнес слуга, продолжая заботливо укрывать хозяина, одеялом.

– Сколько же я лежу?

– Третий день, уж как. Обедать желаете?

– Благодарю, я позже.

В тот миг, в комнату вошел лекарь и увидев, что его пациент уже пришел в себя, принялся его осматривать.

– Как вы себя чувствуете, ваше сиятельство? – спросил у больного, лекарь.

– Уже лучше, благодарю вас, – ответил юноша.

– Вот и чудненько, так намного лучше. А то все бредили, бредили, винили себя в чем то: «Убил, убил», а кого убили, так и не сказывали.

– А вам какое дело, сударь, ваше дело врачевать, а не задавать г-ну графу, подобные вопросы, – вмешался Томас.

– Да я и не спрашивал, так сказал, – немного сконфужено произнес лекарь.

– Кабана он убил, на охоте, кабана, – убедительно сказал Томас.

– Кабана так кабана, я все равно охоту не люблю, – хладнокровно ответил лекарь. – Рана ваша уже зажила, так что скоро будете, как новенький, хоть протыкай плоть снова. А кстати, кто обрабатывал рану?

– К сожалению, мне это неизвестно, – ответил граф. – Очнулся я, в каком-то доме, что б никого не обременять, ушел.

– Ну и правильно, дома как говорится и стены лечат, – сказал улыбочиво Томас.

Время шло, но сердце графа де Лавона, по-прежнему обливалось кровью. Каждый день, образ Маргарет стоял у него перед глазами, и каждый день, он заставлял себя забыть и думать о ней, как об еще одном убитом негодяе, сгубившего

его любимого дядю. Но память все чаще выдавала вопрос, который часто задавала его жена по вечерам: «Дорогой граф, вы меня, правда любите?» – спрашивала она, обнимая его за плечи. В голове до безумия, четко вспоминались эти минуты, такие нежные и, казалось бы, бесконечные. Каждый день, молодой человек прославлял Диониса, пытаясь заглушить боль вином.⁸

Однажды его навестил сосед г-н Клермо, который был наслышан, что с де Лавоном случилась какая-то неприятность. Герцог был радушно принят графом, однако внешней вид Эмиля озадачил его. Перед ним бы бледный юноша, в чьих черных, как смоль, волосах, несмотря на молодость, пробились первая, робкая седина. И даже прекрасные, выразительные глаза его потускнели, словно угли, подернутые пеплом.

– Что с вами, Эмиль? – невольно спросил герцог.

– Ничего особенного, приболел немного, – ответил граф.

– Кого вы хотите обмануть, граф? Я вас с пятилетнего возраста знаю. У вас что-то случилось, ни так ли?

В ответ де Лавон опустил голову.

– Ну хорошо, если не хотите, можете не отвечать, – сказал г-н Клермо. – Пришел я к вам, совсем по другому поводу. В Париже живет мой старый друг, г-н де Монтале. Недавно Людовик XIII назначил его капитаном королевских мушкетеров, и теперь г-н де Монтале набирает в свою роту молодых людей. Быть может и вам, стоило поступить в его роту?

⁸ Дионис – бог виноделия.

Вы молоды, обеспечены, с крепким здоровьем, и на сколько мне известно неплохо владеете шпагой. Доброе ли дело, молодому господину киснуть в этой провинции?!

– Я об этом, как то не думал.

– А вы подумайте. Когда решите, сообщите мне, я напишу вам рекомендательное письмо, к г-ну де Монтале.

– Хорошо, я непременно подумаю, и сообщу вам о своем решении.

– Ну что ж, в таком случае, честь имею отклоняться.

После этих слов г-н Клермо покинул замок, а граф де Лавон вновь остался, наедине со своими мыслями.

«Г-н Клермо прав, довольно хоронить себя в бутылке, – решил в тот час Эмиль. – Уж лучше умереть, как подобает дворянину, чем низко пасть, как забулдыге. Не для этого меня дядюшка растил!».

Приняв решением г-н де Лавон, отправился к г-ну Клермо, и сообщил свое намерение, после чего герцог, с радостью написал рекомендательное письмо к капитану королевских мушкетеров.

Вскоре после этого, граф продал виноградники и прочее, что можно было продать, однако имение, никто у него не спешил покупать. Не желая больше задерживаться в Провансе, Эмиль распустил всех слуг, запер все двери и ворота, а ключ велел оставшемуся слуге, бросить в проклятое озеро.

В Париже, граф надеялся найти достойного противника, от руки которого он или погибнет, или же научит невежу,

манерам. Г-н де Лавон знал, что это решение никак не изменит его жизнь, оно было нужно, лишь для того, чтобы выжить или найти смерть.

Де Лавон еще долго стоял возле поместья, окидывая прощальным взглядом родовое гнездо. Рядом с ним стоял верный Томас, и тихо плакал.

– А ты чего здесь, я больше не нуждаюсь в слугах? – резко сказал граф.

– Мне некуда идти, мой господин, – признался искренне Томас.

– А ты бы согласился отправиться со мной в Париж?

– С большой радостью, – поспешно ответил слуга, быстро осушив, глаза платком.

– В Париже жизнь будет трудной, помимо моего питания и одежды, на твои плечи лягут заботы, чтобы шпага сверкала, как золото, тебе придется таскать на себе тяжелый мушкет, и участвовать в военных действиях, – предостерегал его де Лавон. – Ну, как, еще не передумал?

– Я за вами, теперь хоть в ад, хоть в рай готов отправиться, г-н де Лавон!

– Тссс! – прошептал граф, – Не называй меня так. Граф де Лавон умер, вместе со своей женой. Отныне меня зовут, д'Афоном. Быть может, это имя, принесет мне, в конце концов, счастье.

– Понятно, – кивнул головой Томас.

Граф со слугой сели на коней и припустили в сторону Па-

рижа. Так «погиб» молодой, красивый, с сердцем наполненным счастьем, граф де Лавон. И именно так, появился человек, взявший вторую фамилию дяди – г-н д'Афон, с которым мы встретимся чуть позже в Париже.

Часть II

ГЛАВА I

Аббат де Рамис

В 1626 году, в Нормандии, за расстилающимися цветочными полянами, за быстрыми потоками горных ручьев, стоял старый монастырь святого Петра. Монастырь находился вдали от города, окруженный вокруг хвойным, непроходимым лесом, так что издали, от монастыря, виднелся лишь позолоченный шпиль часовни.

Наставником монастыря был молодой, миловидной внешности аббат, от которого в былые времена, были без ума все дамы Парижа. «Ах, как он прекрасен, ах, что за дивный взгляд, у этого месье», – шептались очаровательные девицы, когда он проезжал мимо них, на своей лошади.

Еще два года назад, шевалье Анри де Рамис, (а именно так звали аббата), служил в королевской гвардии, но по неким, неизвестным причинам, он неожиданно оставил военную службу, и поступил в братство. Одни утверждали, что он оставил службу из-за несчастной любви, другие утверждали, по состоянию здоровья, но истиной причины ухода из мирской жизни де Рамиса, увы, никому не было известно.

Несмотря на то, что ему едва исполнилось 26 лет, де Рамис делал весьма большие достижения в богословии и после долгих споров, святой сенат решил, доверить ему маленькое аббатство в округе Нормандии.

В скором времени де Рамис, оправдал надежды святых отцов, делая колоссальные успехи в служении. Его проповеди действовали на монахов чудеснейшим образом, за исключением разве что, одного, непутевого брата Панурга, о котором, мы еще расскажем в других главах.

О восхитительных проповедях де Рамиса, скоро разползлись слухи по всей Нормандии. Поговаривали, даже что аббат владеет магией, и не без оснований. Однажды, укоряя провинившегося монаха, он навел на него такой страх Божий, что бедный монах, едва не лишился чувств, и всю оставшуюся ночь провел в покаянии. Правда, обвинить в полный голос де Рамиса в колдовстве, никто не осмеливался, так как настоятель вел скрытный образ жизни, таким образом, не давая никому повода, его в чем-либо обвинять.

Де Рамис, вел смиренную жизнь, не отличающуюся от остальных монахов. В монастыре очень уважали молодого аббата, и даже пожилые монахи относились к настоятелю с уважением и послушанием.

Но самому аббату, не всегда приносило служение, ожидаемой радости. В одиночестве, особенно по вечерам, де Рамис проводил в грустном воспоминании, о былых временах и о своих верных товарищах. Иногда, даже казалось, как буд-

то он жалеет о своем, быть может даже поспешном решении, уйти в монастырь.

Одним из его грехов, (быть может, ставшей истиной причиной его тоски), была страсть к фехтованию. В его сундуке, под сутаной, по-прежнему угрюмо лежали: мушкетерский голубой плащ, шляпа с перьями и фамильная шпага. Все эти вещи, как будто ждали, новых приключений своего хозяина. Тайком, когда тоска съедала его с костями, де Рамис примерял на себя гвардейский плащ, который придавал ему былую уверенность.

Так проживал беззаботно аббат, сутана которая держалась по-видимому только на одной пуговице, до той поры, пока однажды вечером в ненастную погоду, сидя по своему обыкновению возле камина, он не услышал странные крики, раздающиеся из леса.

Услышав крики, насторожившись, аббат стгорая от любопытства, подошел к окну. На улице, тем временем, лил ужасный дождь и была холодная погода. Несчастная, испуганная девушка с криком, выбежавшая со стороны леса.

Подбежав к монастырю, она в отчаянье, начала стучать в ворота и просить, чтобы ее приютили. Однако духовные братья, в опасении соблазна, не спешили открывать ей двери.

Аббат, который в прошлой жизни был равнодушен к женскому полу, не мог отказать милому созданию. Сбросив веревочную лестницу вниз, он поспешил к юной деве на по-

мощь.

Между тем, девица продолжала горько плакать.

– Я могу, быть вам чем-нибудь полезен? – вдруг, где-то рядом раздался нежный голос.

Испугавшись, девушка быстро вытерла слезы, и обернулась. Перед ней стоял кто-то в плаще. Луч от фонаря, осветил тонкие черты лица молодого человека, которые сразу понравились юной мадемуазели. Де Рамис подал ей свою руку, продолжая говорить спокойно и нежно:

– Идемте, не бойтесь.

Словно завороченная, мадемуазель глядя в его простодушное, несколько слащавое лицо, вложила в его ладонь свою руку, и пошла за ним.

– Что с вами случилось? – спросил де Рамис, нежно сжимая ее руку.

– На нашу карету напали разбойники, – тревожно ответила мадемуазель.

– Все понятно, я прошу вас, если вас не затруднит, подняться по веревочной лестнице наверх.

Они поднялись в келью. Аббат предложил ей присесть возле камина. Дрожа от холода и страха, м-ль Камилла де Мишельен, села на стул и осмотрела все вокруг. Перед ней была большая, сумрачная комната, в которой не было ничего лишнего. Посередине комнаты стоял стол полный изысков, несколько кресел к нему, небольшой шкаф и кровать. На стене висел крест с распятым Христом.

Осмотрев комнату, она бросила взгляд на де Рамиса, который к тому времени, снял с себя плащ. Увидев его в сутане, молодая особа поняла, что она находится в мужском монастыре. Опустив стыдливо глаза, она поспешила встать.

– Не беспокойтесь дитя мое, вы видите аббата, у которого под сутаной скрывается плащ королевского мушкетера, – сказал гордо де Рамис, развешивая свой мокрый плащ возле камина.

Эти слова, успокоили юную мадемуазель и она снова села на прежнее место.

– Я надеюсь, очаровательная мадемуазель, не откажет мне, если я ее попрошу разделить со мной трапезу?

– Нет, не откажусь.

– В таком случаи, прошу к столу.

Когда они сели за стол, заинтригованный историей аббат, решил спросить у юной девы подробности:

– Вы, если не ошибаюсь, сказали, что на вас напали разбойники?

– Да, я ехала вместе со слугами в Париж, чтобы там навестить своего кузена, – ответила м-ль де Мишельен, – но вдруг на нас напали разбойники, и убили всех. Лишь мне, удалось спастись бегством.

– Вот уж право, никогда бы не подумал, что в такой глуши, могут быть разбойники, – с удивлением рассуждал аббат. – Да и на кого им нападать, по близости нет ни одной жилой хижины.

– Возможно, это было умышленное нападение, ведь я дочь знатного герцога, – предположила мадемуазель. – За меня они могли взять большой выкуп.

– Не беспокойтесь сударыня, здесь вы в абсолютной безопасности. Ведь никому и в голову не придет, искать вас, в мужском монастыре.

– Но как же мне быть дальше, ведь мне нужно вернуться домой, а в лесу много разбойников? – тревожилась Камилла.

– Ни о чем не беспокойтесь, на рассвете мы отправимся с вами в ваше герцогство, – с обаятельной улыбкой пообещал де Рамис.

– Но ведь разбойники опасны, – продолжала милая особа.

– Не опаснее моей шпаги. Кстати, как вас зовут?

– Мадемуазель Камилла де Мишельен, – в трепете произнесла та.

– Аббат де Рамис, в бывшем, шевалье и королевский мушкетер.

– И все же меня беспокоит поездка.

– Бог позаботится о завтрашнем дне. А вы лучше ложитесь на мою кровать, и ни о чем не думайте.

– А как же вы? – обеспокоено спросила м-ль де Мишельен.

– Я вполне могу провести сегодняшнюю ночь, в кресле.

– Но мне право не ловко, пользоваться вашей добротой.

– Я почту за честь, услужить столь очаровательной мадемуазели, – сказал де Рамис, поцеловав Камилле руку.

Глава II

О том, как де Рамис читал проповедь разбойникам

На рассвете из монастыря выехали два молодых человека, один из них был аббатом де Рамисом, другой, переодетая в мужское платье м-ль де Мишельен. Едва аббат оповестил помощника о своем отъезде, как они тут же отправились в дорогу.

Де Рамис и мадемуазель ехали не спеша, вдоль густого хвойного леса. Лучи восходящего солнца, освещали стройные, словно мачты, сосны. Звонко щебетали птицы, позволяя тем самым Камилле, забыть о вчерашнем ужасе, пережитым вчера в лесу.

– Вам очень к лицу мужское одеяние, – ободрял Камиллу де Рамис, сверкая синими, как сапфиры глазами, в которых не потух огонь любвеобилие к женщинам.

– Благодарю вас, – с улыбкой произнесла, обворожительная мадемуазель де Мишельен.

– Всегда к вашим услугам, сударыня, – сказал аббат, целуя ей руку.

Не проехали они и двух лье, как вдруг обнаружили у обочины дороги, разграбленную и опустошенную карету. Вчерашнее события, вдруг вспыхнули перед глазами Камиллы,

и ее обуял страх, от которого она скрылась у де Рамиса за спиной.

– Мне страшно, – прошептала де Мишельен.

– Вам нечего бояться мадемуазель, ведь я с вами, – успокаивал аббат, продолжая улыбаться.

Проехав еще немного, они услышали пронзительный свист и на дорогу вдруг свалилось дерево.

– Это разбойники, – звонко закричала Камилла.

– Не бойтесь, – уверял смело де Рамис, взяв ее за руку, – все будет хорошо, главное постарайтесь не отдаляться от меня.

Это и вправду были разбойники. Откуда-то сверху спустился старый, бородатый старик, судя по всему, атаман шайки. Улыбаясь кривыми зубами, он выхватил из-за пояса ржавый нож и подскочив к путникам, хрипатым голосом сказал:

– Отдавайте деньги, коли жизнь дорога!

– Простите, любезный, но откуда у бедного монаха, могут быть деньги? – невозмутимо произнес де Рамис, одаривая его блаженной улыбкой. – Не зря пословица звучит: «нищ, как монастырская мышь».

– В таком случае, святой отец, можешь убираться на все четыре стороны, мы тебя не задерживаем, – сказал недружелюбно, рыжий разбойник.

– А мы с твоим сопровождающим, потолкуем, – писклявым голосом продолжил третий, приблизившись к м-ли де

Мишельен.

– Я бы не советовал вам этого делать, иначе вас могут ожидать большие неприятности, – предупредил на этот раз смело аббат.

– А ты нас не запугивай, святой отец, кем бы ты ни был, тебе не справиться с нашей дюжиной! – воинственно, настроившись, сказал атаман, озираясь на своих помощников.

– Я бы не был бы, так уверен.

– Это мы еще посмотрим, – ухмыльнулся атаман. – Эй, молодцы, схватите этих обоих, уж слишком разговорчивый этот монах!

По приказу атамана, пятеро разбойников напали на несчастных путников. Но неожиданно де Рамис, вытащил из-под плаща шпагу, с помощью которой, почти сразу одержал победу, над троими. На удивление аббата, юная мадемуазель, тоже владела не дурно шпагой, которую ей дал де Рамис, еще перед отъездом. Камилла де Мишельен, славно держала оборону, а некоторых разбойников, даже умудрилась ранить.

Де Рамису не представляло труда справиться с неопытными фехтовальщиками. После каждой своей новой победы, он лукаво извинялся перед «горе» разбойниками:

– Простите, я не хотел, вы сами напросились.

С каждой минутой, количество разбойников все уменьшалось, однако искалеченные разбойники, продолжали атаковать. Сверху, кто-то бросил на аббата сеть, и повалил его

с лошади. К счастью, на поясе де Рамиса висел нож, с помощью которого, он без труда освободился. Освободившись, аббат дал, троим тумачков, после которых они кубарем повалились в канаву.

Когда разбойники попытались напасть очередной раз, аббат встал и подняв шпагу эфесом вверх, таинственно воскликнул:⁹

– Остановитесь, несчастные!

Эхо голоса г-на деРамиса, казалось, оглушил разбойников. От страха, забыв себя, все разбойники, как один замерли и замолкли, а аббат, получив от них покорность, продолжал:

– Или вы не боитесь, оказаться в гиене огненной?! Вы забыли о Божьем наказании! На колени!

Словно по приказу, еще недавно лихие грабители, со страхом, прижав к себе дубины, упали на колени, и начали слушать таинственный голос, продолжающий приказывать:

– Вспомните о Боге. Закройте глаза, и услышите глас Божий! Слышите?

– Нет, мы не слышим, – ответил один из разбойников.

– Откройте ваши уши от злобы, и услышите глас, глаголющий вам о покаянии. Ведь я слышу. Слышу. Слышу глас Божий! Слы... ы... шу гла... с Бо... жи... й! Слы... ы...ы... шу гла... а...а...с Бо... жи... и...й!

⁹ Эфес – часть клинкового холодного оружия, состоящая из гарды и рукояти с навершием. *

С каждой минутой его голос становился протяжнее и громче. Последний возглас показался разбойникам настолько сильным, что они даже схватились за уши. Со всех сторон леса, разносилось долгое эхо, после которого, лесные грабители начали ждать знамений. Не дождавшись гласа Божьего, разбойники открыли глаза, но перед ними уже никого не оказалось.

– Он одурачил нас!!! – произнес с досадой разбойник, кинув от злости на землю свой костыль.

Разбойники попытались помчаться в погоню, но аббат и его «сопровождающий», как будто, растворились в воздухе.

Тем временем аббат и м-ль де Мишельен, были уже далеко от них. Они мчались по кипарисовому полю, вспоминая про одураченных разбойников, и весело хохотали.

– Славно вы их провели, – с задором проговорила Камилла, на лице которой, появилась очаровательная улыбка.

– Да, быть может, моя проповедь приведет их к покаянию, – с какой-то мечтательностью произнес аббат.

– Но, как вы это сделали? – поинтересовалась м-ль де Мишельен.

– Бог одарил меня этим даром, который я и сам не в состоянии объяснить. Однако сударыня, я бы попросил вас, об этом не распространять слухи, а то еще обвинят в колдовстве.

– Не беспокойтесь аббат, эту тайну я унесу с собой в мо-

гилу, – пообещала Камилла.

– Разрешите и мне у вас полюбопытствовать, откуда вы милое дитя, научились так хорошо владеть шпагой? – спросил де Рамис.

– Все очень просто, мой отец служит при маршале Франции, г-не де л’Опитале. Разумеется, служа при таком человеке и не владеть шпагой, это было бы больше, чем странно. Отец всегда мечтал о сыне, но родилась только я. После того, как Бог больше не дал моим родителям детей, отец решил привить мне военное дело, правда это получилось весьма плачевно.

– Не скромничайте, мадмуазель, вы превосходно овладели этим оружием, – похвалил де Рамис, поцеловав ей руку.

– Благодарю вас, де Рамис, – кокетливо проговорила Камилла. – Простите мое любопытство, но все же разрешите вас спросить, как часто вы прибегаете к этому волшебству? – продолжала допрашивать, любопытная мадемуазель, которой не давало покоя, увиденное.

– Весьма редко, в самых крайних случаях, – ответил де Рамис.

Весь день де Рамис и м-ль де Мишельен, проскакали верхом по травянистым равнинам, и только к вечеру, когда они перебрались через каменистый ручей, де Мишельен увидела на склоне горы замок, который окружал могучий лес.

– Поглядите господин де Рамис, это ведь наш замок, – произнесла с радостью она. – Благодарю вас милый аббат.

Без вас, я бы никогда не добралась до дома.

– Что вы мадмуазель, какие пустяки, я всегда готов быть к вашим услугам.

Он поцеловал ей руку и м-ль де Мишельен припустив коня, помчалась в свое имение. А аббат продолжал стоять на месте, и с какой-то не свойственной ему тоской, глядел вслед, исчезающей из вида Камилле.

Глава III

В дорогу, храбрый бургундец!

В 1627 году, провинциальном городе Бургундии, у северных склонов Морвана, в графстве Аваллон, располагался старинный замок дворянства деШарон. Правда, этот замок был больше схож на усадьбу, украшенную по бокам небольшими башенками, чем привычный для замков вид.

Испокон веков, в нем проживал древний род де Шаронов. Со временем род де Шаронов разорился и стал находиться в критическом состоянии. Несколько лет назад, шевадь Бертран де Шарон, пытаясь воспрепятствовать разоренью но, увы, все его попытки оказались плачевными. Распродав почти все свое имение, шевадь скоропостижно умер от удара, не оставив за собой, ни одного эю.

После похорон супруга, г-жа Франсуаза де Шарон, задумалась о судьбе юного наследника. У молодого шевадь Алена де Шарона, был ветреный и необузданный, характер. Все его мысли были об одном, быстрее выпорхнуть из родительского гнезда, и отправится в Париж, чтобы подобно отцу, всю свою жизнь, посвятить службе королю. Но г-жа де Шарон, после потери двоих сыновей (один из которых, погиб при сражении, а другой, по слухам, был убит на дуэли), и слушать не желала, о военной карьере, младшего сына. Ко всему прочему, чтобы юному шевадь стать королевским муш-

кетером, или хотя бы гвардейцем, требовались деньги и рекомендательное письмо. Ни того, ни другого у них не было, и быть не могло.

Г-жа де Шарон, не найдя иного выхода, решила, что для сына безопасней и доходней будет, если он, как и ее брат, станет священником. Она отправила брату в Париж, депешу с просьбой, чтобы он по возможности, позаботился о судьбе юного племянника. Получив одобрение, в ответном письме, госпожа де Шарон, снарядила сына в дорогу: старой клячей, едой и небольшим количеством денег.

Но горячего и бесшабашного бургундца, не удовлетворяла спокойная жизнь кюре, и чтобы, не огорчать отказом мать, он решил пойти на хитрость. Де Шарон решил отправиться в Париж, но только не к дяде – священнику, а к капитану королевских мушкетеров, графу де Монтале, таким образом, попытаться попасть в гвардию.¹⁰

В день отъезда, г-жа де Шарон, не подозревая о намерениях сына, поцеловала его на прощанье, и сказала:

– Будьте благоразумны, мальчик мой, и постарайтесь по дороге не попасть в неприятную историю.

– Хорошо матушка, я вам обещаю, – пообещал де Шарон, целуя мать.

– И как только прибудете в Париж, потрудитесь оповестить, что с вами все слава Богу.

¹⁰ Кюре – во Франции, Бельгии и в некоторых других странах: католический приходской священник. *

– Непременно матушка, – пообещал де Шарон, и поспешил поскорее вскочить на лошадь.

Садясь в седло, он случайно задел рукой плащ, под которым скрывалась, фамильная шпага. Увидев край эфеса, мать с тревогой подошла к сыну, и спросила:

– Сын мой, зачем вы взяли с собой фамильную шпагу?

– Дорога длинная, никогда не знаешь, что тебя ждет впереди, – ответил де Шарон, хитро улыбнувшись.

– Храни вас Господь! – перекрестила напоследок его мать.

Подобно отцу, де Шарон, отсалютовал на прощанье матери и, дернув за узды, помчался по пыльным дорогам Бургундии, тем самым распугивая местных кур, которые едва успевали вылетать из-под копыт «Буцефала». А г-жа де Шарон, стояла среди слуг, махая уезжающему сыну, и с восхищением и грустью думала: «Как же он похож на отца».

Сам юноша, выглядел необычайно молодо, однако по мужски привлекательно: прямой нос, волевой подбородок, зеленовато-карие глаза, а легкий пушек над пухлыми губами, показывал, что юноше, едва исполнилось, пятнадцать лет.

Не удивляйся дорогой читатель, что столь юный герой, отправился в самостоятельную жизнь. В те далекие времена, 15-ти летние юноши были вполне зрелые для жизни. Происходило это, по той простой причине, что процесс старения, происходил значительно раньше теперешнего, а стало быть, люди взрослели раньше, дабы успеть прожить полноценную

жизнь, чтобы вкусить все ее прелести. Правда, и в те времена были долгожители, которые доживали до 90 лет, что и по нашим меркам не мало, но эти случаи, случались редко.

Но вернемся к нашему герою, который, уже проехал полтора лье. Выехав из города и, поднявшись на возвышенность холма, он в последний раз, взглянул на родной город, окруженный вокруг лесными массивами. Простившись с городом, бургундец прищпорил коня и отправился в путь.¹¹

Ах, Боже мой, какое это блаженство скакать на лошади по дороге, навстречу славе, судьбе и приключениям, о которых де Шарон мечтал все эти годы. Правда скакать ему, приходилось не часто, так как его «резвый» скакун, после каждого пятиминутного ускорения, останавливался, и начинал медленно ковылять, словно побитая собака. После нескольких отчаянных попыток ускорить шаг, престарелого русака, де Шарон смирился, не желая мучить, несчастное животное.

Лошадь медленно тащила сквозь лесные чащи, вместе с ней, тащился и ее юный хозяин, в опасности потерять последнее средство передвижения, а ведь до Парижа было еще далеко.

Тощая кляча, едва не падала от каждой неровности, встречающейся ей на дороге. Де Шарон ехал осторожно, особенно по каменистым местностям. Несколько раз, бургундец порывался избавиться от лошади, и идти пешком, но жалость к старушке, каждый раз останавливала его, ведь она так вер-

¹¹ Лье – французская мера длины, равная 4,5 км. *

но служила его отцу, все эти годы.

Так продолжался его медленный и утомительный путь. Спустя шесть дней, бургундец наконец, приближался к воротам Парижа.

Глава IV

Алмазный перстень

Уже была глубокая ночь, когда молодой бургундец проехав городские ворота, попал в Париж.

Апрель выдался в том году на редкость холодным, так что даже дорожный плащ провинциала, не спасал его от холода. Ночью, было еще холоднее, чем днем. Небо было затянуто сплошными черными тучами, и казалось, что вот, вот, пойдет мокрый снег.

Прозябший до костей путник, едва мог пошевелить ногами и руками. И единственная мечта его была найти, хоть маленькую лачужку, в которой он бы мог пробыть до утра.

Улицы Парижа, несмотря на непроглядную темноту, восхищали своими размерами. Местами, улицы были совсем узкими, однако прилично длинными, а дома стоявшие вдоль дороги, казались огромными.

Местами кварталы были настолько узкими, что казалось можно, было перепрыгнуть с крыши на крышу. Однако такие кварталы, несли за собой немалую опасность. Один из таких кварталов, погубил Великого Короля Генриха IV. Когда на улице Медников, мерзкий убийца, Франсуа Равальяк, вскочив на подножку королевской кареты, нанес два смер-

тельных удара в сердце, благородного монарха. ¹²

Именно по одной из таких улиц гарцевал наш герой, в поисках ночлега, когда проезжая мимо башни Самаритэн, в одном из темных кварталов, он услышал, какую-то возню и шорох. Приостановив лошадь, бургундец скрылся за стеной дома и начал прислушиваться. В проходе квартала раздались таинственные голоса:

– Сейчас подъедят две кареты, в одной из которой будет сидеть герцог в мушкетерской одежде, в другой дама, – сообщил господин, шестерым неизвестным. – Охраны не будет. Герцога, под видом грабежа, убить, даму в Бастилию. Вы поняли меня?

– Да, но в темноте это будет не просто, – ответил один, из шестерых наемников.

– Зажгите побольше факелов, – беспечно сказал таинственный господин, после чего он сел на лошадь, и умчался прочь.

Сразу после этого, наемники, дабы исполнить приказ господина, затаились в темноте. Де Шарона заинтриговали эти события, поэтому он решил тоже спрятаться за толстое дерево, дабы посмотреть, чем все закончится. Однако юноша сразу сообразил, что это не просто наемники, а никто иные, как гвардейцы кардинала, известные своим коварством на всю Францию.

¹² Генрих IV Великий*(1553, —1610.) – лидер гугенотов в конце Религиозных войн во Франции, король Наварры с 1572 года, король Франции.

В скором времени, послышался скрип колес. Карета, запряженная шестеркой лошадей, в самом деле, приближалась к лобному месту. В сумерках, шевалье, удалось разглядеть замысловатый силуэт кареты, которая остановилась посередине двух кварталов.

Через некоторое время, со стороны Лувра, подъехала еще одна карета, которая встала вплотную с первой. Но, едва из кареты раздались голоса, как в тот же час, со всех сторон, набежали гвардейцы, захватив их в кольцо. Один из гвардейцев, открыл дверцу кареты, и, вооружившись двумя пистолетами, сказал:

– Попрошу на выход, сударь!

– П-потрудитесь объяснить, в чем дело? – потребовал герцог.

– После объясним, – сказал с легкой ухмылкой гвардеец.

– Я не намерен, никуда выходить, – заявил герцог, покраснев от возмущения.

– Значит, прикончим здесь, – неожиданно посуровев, заключил первый гвардеец, обращаясь к остальным.

Выхватив шпагу, гвардеец попытался нанести герцогу удар, но тот вовремя подставил свою трость. Клинок соскользнул с деревянной поверхности трости, после чего трость, удивительным образом превратилась в шпагу, которой герцог мастерски атаковал противников.

Женщине, сидевшей в соседней карете, повезло значительно меньше. Один из наемников, незаметно влез в карету

с противоположной стороны, и подкравшись к ней, зажал ей рот. Бедняжка, даже не успела взвизгнуть, как вдруг гвардеец, вытащил ее из кареты.

Бургундец, не мог стерпеть такое хамское отношение к женщине, поэтому он решил вмешаться. Выхватив шпагу, он безрассудно бросился на мерзавца, желавший похитить дивное создание. Проткнув гвардейца, де Шарон молниеносно присоединился к драке. К счастью, все наемники, оказались неопытными, поэтому герцогу и де Шарону, без хлопот удалось справиться с шестеркой бандитов.

После битвы, герцог попросил кучера подсветить ему факелом, чтобы он смог полюбоваться, побежденными гвардейцами. Увидев количество убитых, герцог гордо встал и начал считать побежденных:

– One, two, three, four, five, six. Great battle! – Как вас зовут, храбрый юноша? – обратился он к г-ну де Шарону, перейдя на французский язык, с небольшим английским акцентом.

– Меня зовут, шевалье де Шарон, – поклонился тот.

– Герцог Бекингем, – гордо представился тот. – Как я могу отблагодарить вас?

Услышав столь знатное имя, де Шарон приподнял голову, и как подобает истинному дворянину, гордо заявил:

– Благодарю вас милорд, но мне ничего от вас не нужно, а оказанная вам помощь, была бескорыстна.

– Вы мне нравитесь де Шарон, и поэтому я хочу вас от-

благодарить, – герцог снял со среднего пальца руки кольцо, и надел на палец де Шарона. – В благодарность, я дарю вам этот перстень, носите его по достоинству.

Де Шарон поцеловал кольцо и откланялся. В тот же миг, из кареты выбежала девушка, и подошла к Бекингему.

– Ах, милорд, нам нужно спешить, – умоляющим голосом напомнила она герцогу.

– Вы правы сударыня, – согласился герцог и, простившись с де Шароном, сел в карету.

– Простите сударыня, я хочу задать вам вопрос, – обратился де Шарон к милой девушке, которая уже садилась в карету. – Вы, как я понимаю, парижанка?

– Не совсем, но что вам угодно? – вопросом на вопрос, спросила незнакомка.

– Не подскажите ли бедному путнику, какую-нибудь хижину, где можно переночевать?

– Ах, нет сударь, увы, я не из этих мест, – искренне призналась сударыня, закрыв дверцу кареты.

Тогда де Шарон, подошел к ней совсем близко, и спросил просящим голосом:

– Быть может, вы знаете, как доехать до резиденции графа де Монтале?

– Это совсем не далеко, на той стороне Сены, возле церкви Сен-Сюльпис, – подсказала она.

– Благодарю сударыня, – поблагодарил он милую красавицу.

В скором времени, две кареты, одновременно, куда-то укатили. Проводив их взглядом, де Шарон поспешил удалиться с того места, дабы не попасться в руки патрульным жандармам.

Продолжая свой путь, де Шарон взглянул гордо на палец, и увидел на нем алмаз. «Боже, за такой перстень я мог бы восстановить все свое родовое имение», – подумал он.

Он ехал по узкой улице Больших Августинцев, когда на его пути повстречалась харчевня, под вывеской «Вольный ветер». Привязав неподалеку лошадь, де Шарон вошел в нее. Несмотря на позднее время, в харчевне, все еще кипела жизнь. Кто-то играл в карты и кости, кто-то ухаживал за прелестными девицами, кто-то просто ел, кто-то смеялся, одним словом, каждый занимался тем, чего его душа требовала.

Увидев за трактирной стойкой хозяина, де Шарон учтиво спросил:

– Могу ли я снять комнату, до утра, за недорогую оплату, так как в кармане у меня, всего пять экю?

– Ночь в моей харчевне, стоит всего 2 экю, – с радушием сказал хозяин харчевни.

– Да, но половина ночи уже прошла, стало быть, я вам должен всего 1 экю.

– Да, но все комнаты уже заняты, а это означает, что мне придется вас заселить в свою комнату, а мне, лечь на кухне, – пробурчал недовольно хозяин.

Поняв, что спор с хозяином будет бесполезен, де Шарон бросил ему два экю, и сел за стол. Через некоторое время к нему подошел хозяин, и спросил:

– Чего изволите?

– Что-нибудь, – попросил изголодавшийся провинциал.

– Куриный бульон?

– Согласен, – проговорил де Шарон, который толком не ел, два дня.

Между тем, за соседним столом, пятеро человек играли в кости. Заметив нового постояльца, один из игроков, повернулся к де Шарону и, не сводя с его перстня глаз, спросил:

– Сударь, вы не хотели бы с нами поиграть?

– С удовольствием, только у меня нет денег, – признался де Шарон.

– Я готов купить ваш перстень за 1000 пистолей, – предложил игрок.

– Нет, это подарок, к тому же, названная вами цена, слишком мала, чтобы я на нее согласился! – заявил твердо провинциал.

– Не хотите на кольцо, поставьте на вашу лошадь, – предложил второй игрок.

– Боюсь господу, что мой «Буцефал» вам не подойдет, так как ему уже 30 лет, и он едва держится на ногах.

– Я даю за него 20 пистолей, – сказал первый игрок, что привело де Шарона в удивление.

Де Шарон решил попробовать. Он подсел к ним за стол

и игра пошла. В первой же игре, бургундец, проиграл свою лошадь. Игрок предложил поставить на кон перстень, за который он был готов по-прежнему заплатить 1000 пистолей. Де Шарон поначалу отказывался, но потом все же решил рискнуть. Бургундец поставил на кон свой перстень, и выиграл 1000 пистолей. Эти деньги он опять поставил, чтобы отыграть свою лошадь. Таким образом за ночь он выиграл, 1025 пистолей, сохранив при этом перстень и вернув коня.

Получив крупную сумму денег, де Шарон лег спать, в прекрасном настроении.

Глава V

Не очень счастливый день

Проснулся г-н де Шарон, лишь, когда городские часы пробили десять часов. С блаженством потягиваясь, он вспомнил все события происходившие с ним накануне. Радуюсь своим успехам, молодой человек решил полюбоваться своим кольцом. Однако, к своему ужасу, он обнаружил, что кольца, подаренного герцогом, на его пальце нет. Обыскав все кругом, бургундец, так же заметил, что кроме кольца, у него пропала и вся выигранная, вчера, сумма денег.

Поняв, что все размышления бессмысленны, он в не себя от ярости, спустился вниз и схватив трактирщика за грудки, спросил:

– Что это значит, черт тебя подери?

– В чем дело, сударь? – с испугом пробормотал трактирщик. – Я ничего не понимаю.

– Сейчас поймешь! – воскликнул де Шарон, выхватив из-за пояса пистолет. – Кто украл мое кольцо и деньги? Отвечай негодяй!

– Какое кольцо, какие деньги? – в недоумении спросил трактирщик.

– Не прикидывайтесь идиотам. Я выиграл вчера приличную сумму, где она?

– Я ничего не знаю, я ничего не брал.

– А кто брал? – со злобой в голосе, зарычал бургундец.

– Я не знаю, вчера к вам заходили какие-то люди, – промямлил хозяин, пряча глаза.

– Так, если в течении минуты ты не скажешь, кто эти негодяи, и где они сейчас, я застрелю тебя, как зайца.

– Я не знаю, – повторял, чуть не плача, трактирщик. – Я вправду, не знаю. Когда вы легли спать, один из игроков, подошел ко мне, и спросил где ваша комната. Я ему ответил, что; «Вы живете в восьмой комнате», он объяснил мне, что вам задолжал, затем он отправился ваши покои. А что он там делал, я не знаю.

– Как его имя?

– Мне это неизвестно, он не назвал себя, и вообще я его в первый раз вижу. Должно быть, это какой-то вор.

Де Шарон отпустил старика, и поспешил покинуть гостиницу. Выходя, юноша опасался не найти у коновязи, свою старую клячу, но к счастью, на нее никто, не позарился. Лошадь по-прежнему стояла у харчевни, мирно пожевывая траву.

Увидев ее, де Шарон был счастливее, чем когда выиграл 1025 пистолей. Юноша обнял старого Буцефала и, надев на него седло и уздечка, снова отправился в дорогу, нищим.

Но к счастью неприятные впечатления утра, рассеялись сразу же, как только бургундец выехал на главную улицу. Широкие тихие, элегантные улицы, внушительные особняки с дворами и садами. В особенности, бургундцу пришлось

по вкусу знаменитый особняк, маркизы де Рамбуйе, построенный по её собственному проекту, на улице Святого Фомы. Неподалёку, от него располагалась – резиденция французских королей, Лувр.

Вид резиденции был не так уж плох, как представлял себе бургундец... Вспоминая рассказы отца, де Шарон представлял Лувр, как ветхую средневековую крепость, которой чужда эпоха позднего возрождения. Однако со времен правления короля Людовика Справедливого резиденция, заметно преобразилась. Поддерживая идею Генриха Великого, король, судя по всему, продолжал облагораживать замок. Не было уже средневековых стен, площадь жилых помещений была широкой, добавлен был павильон часов.

Неподалеку от Лувра, достраивался дворец кардинала Ришелье. Уже теперь сквозь строительные леса, можно было увидеть главный фасад дворца, который выходит на улицу Сент-Оноре и представляющий собой длинный ряд арок, украшенных корабельными кормами и якорями. Тем самым хозяин дворца, хотел напомнить прохожим о звании главнокомандующего флотом, которое он носит.

Далее на пути бургундца, встретился роскошный Новый мост, шокирующий своей белизной башен и перил. За мостом стоял бронзовый конь, с высоты которого, бронзовый король Генрих Великий созерцал, движущуюся у его ног толпу. Уже начиная с нового моста, появлялось все больше торговцев. Помимо ремесленников на так называемом базаре

были маргиналы, попрошайки, воры, публичные девки, цирюльники, зубодёры и сводники. Там и сям, раздавался крик торговцев, предлагающие свои услуги: одни предлагали меха, другие заморских птиц, пятые всевозможные мази и пилюли, спасающие якобы от ран и солнечного затмения.

Чем дальше продвигался де Шарон, тем все шумнее и ужаснее становились улицы. Уже с раннего утра, город наполнялся шумом, на который наслаивался адский грохот, тянувшихся из портов Сены, повозок с дровами, углём, сеном и винными бочками. В больших, надвинутых на уши шляпах, мелькал рабочий люд, носильщики тягали на скрещенных жердях громадные кули, с мешками и бочками.

Самым шумным местом во всем Париже, можно было, пожалуй, назвать Сен-Жерменскую ярмарку, шум которой был слышен за четыре лье. Именно здесь, собирался цвет парижской ремесленной аристократии – галантерейщики, скорняки, суконщики, золотых дел мастера, бакалейщики и т. п. . . Степенные купцы в пышных кафтанах и просторных штанах из тёмного сукна, раскладывали на прилавках различные украшения, накидки, гобелены и зеркала.

Крупные коммерсанты, съезжались сюда со всех городов Франции и из-за границы; португальцы продавали амбру и тонкий фарфор; турки предлагали персидский бальзам и константинопольские духи, провансальцы, торговали апельсинами и лимонами.

Помимо всего этого, на ярмарке можно было приобре-

сти: марсельские халаты, руанские сукна, голландские рубашки, генуэзские кружева, фландрские картины, алансонские бриллианты, миланские сыры, испанские вина, и прочее, прочее, прочее.

Ко всему прочему, ярмарка была полна сладостями. Особой популярностью у парижан пользовались вафли.

В питейных домах, богато украшенных зеркалами и люстрами, выпивали сотни бочек глинтвейна и мускатного вина. Заглядывали сюда и любители понюхать или покурить табак, который уже начал входить в моду. В изобилии на ярмарке были, и игровые дома.

Но де Шарона, это ни особо интересовало. Куда более его внимание, заостряли проезжавшие мимо мушкетеры в синих и красных плащах, которых на его пути, становилось все больше. Они, как правило, гордо проезжали мимо, или привлекали к себе внимание очаровательных служанок и торговок. Не редко всадники, гоняясь друг за другом, опрокидывали овощные лотки, после чего, долго им вслед доносилось ругательство торговцев, похожие на проклятья.

Де Шарон, с завистью глядел в след удаляющимся всадникам. Когда же всадники исчезли из вида, провинциал, подгоняя коня, поспешил к резиденции г-на де Монтале.

Самого же де Шарона, горожане встретили с недоуменными взглядами. Вернее их удивлял вид не столько наездника, сколько его лошади. Кто-то ухмылялся, показывал пальцем, а кто-то и вовсе смеялся. Но молодой человек, не особенно

внимал на свист и смех горожан, так как, считал, что это ниже его достоинства, ведь он же был дворянином, хоть и обедневшим.

К счастью, в скором времени все внимание горожан, обратил на себя пасквилянт, сочинивший очередную песенку про его высокопреосвященства. Перекрикивая ярмарочных музыкантов, он пел под веселый смех и аплодисменты:

Толпа праздных зевак окружила актера. Де Шарону, тоже стало интересно, правда, он не стоял вместе со всеми в толпе, а смотрел на представления, издалека. Вид с лошади был прекрасен.

В то же время, по ярмарке прогуливался верноподданный кардинала граф Рошне, в сопровождении любимчика, его преосвященства Клода де Жюссака. Бросив презрительный взгляд на пасквилянта, граф высокомерно обратился к г-ну де Жюссаку:

– Что это?

– Судя по всему, бродячий актер – ответил тот. – Я его знаю.

– А вы разве не слышите, что он поет?

– Слышу.

– Так почему же вы его не арестовываете, болваны? Вам что, мало упущенного Бекингема? – спросил г-н Рошне, тем самым припомнив гвардейцам, провал прошлой ночи, – Действуйте лейтенант!

– Слушаюсь, – ответил де Жюссак и, обратившись к гвар-

дейцам, приказал: – Разгоните толпу, а этого певца, в Бастилию!

Гвардейцы поспешили исполнить приказ лейтенанта. Разбежавшись по площади, словно тараканы, они начали разгонять ликующих горожан. С визгом, народ разбежался в разные стороны, едва не опрокинув де Шарона, вместе с лошадыю. Поняв, что здесь больше нечего делать, бургундец, подстегнув Буцефала, продолжил путь дальше.

Де Шарон ехал вдоль квартала, когда мимо него пробежал тот самый пасквилянт с ярмарочной площади. Гвардейцы непременно бы поймали певца, если бы в тот момент, им не перегородил дорогу бургундец.

Он это сделал не из жалости к актеру, и даже не для того, чтобы показать свою юношескую доблесть. Нет господа, это был тот самый принцип, которому следуют все молодые люди его возраста, идя наперекор каждому, несмотря на чин и звание.

Итак, при виде, на своем пути, дерзкого провинциала, г-н де Жюссак в неистовстве заорал:

– Прочь с дороги, щенок!

– Фи, сударь, нельзя ли вежливей, не со слугой разговариваете, – заметил юноша, не сделав в знак повиновения, ни шагу.

– Что?! – возмутился де Жюссак, выхватив шпагу. – Не тебе меня, учить манерам, щенок! Убирайся!

– Простите сударь, я этого не могу сделать, – заявил де

Шарон.

– Это еще почему? – в негодовании спросил де Жюссак.

– Моя лошадь слишком стара, к тому же, после такого путешествия, она и вовсе обессилила, – заявил де Шарон.

– В таком случае, ей давно пора на пенсию, – поговорил де Жюссак, и не пощадив бедную старушку, стрельнул ей в шею.

Лошадь, ослабев в ногах, упала на землю, придавив своим телом, ногу хозяина. Поднявшись с земли, де Шарон, чье самолюбие было задето, в ярости вытащил шпагу, и пошел на г-на де Жюссака, атакой.

Но, мастер клинка – (как его называли в Париже) быстро справился с неопытным юношей. Прижав его к стене, де Жюссак, взглянул ему в глаза, и с ухмылкой, предупредил:

– В следующий раз, ваша попытка меня атаковать, может стать для вас, последней!

Но, де Шарон не собирался сдаваться. Вскочив на ноги, задира догнал де Жюссака, и попытался нанести ему удар, но тот вовремя увернулся. Лейтенант натравил разъяренных гвардейцев на бургундца. Юноша понял, что дальнейшая битва будет бесполезной, и поэтому решил, пока не поздно, бежать.

Так как путь к резиденции, был закрыт гвардейцами, де Шарону пришлось бежать в противоположную сторону, в направлении, улицы Бюси.

Упустив актера, мушкетеры кардинала, решили, во что бы

то ни стало, поймать бургундца, дабы тот ответил перед кардиналом, за их провал.

– Упустили! – в отчаянье, воскликнул писклявым голосом, гвардеец.

– Поймать этого щенка, любой ценой! – велел де Жюссак.

– Я вырву из него печень, собственными руками! – грозился в ярости, другой гвардеец.

– Вы уже упустили свой шанс, – напомнил ему лейтенант красных гвардейцев. – Я его сам поймаю, и выпущу кишки!

При последней фразе, г-н де Жюссак, припустил лошадь. Вслед за ним помчались и все его гвардейцы. На перекрестке между улиц Сены и Бюси, лейтенант отдал приказ своим подчиненным обыскать все кварталы, и его окрестности, пообещав, что если кто поймает мальчишку, того повысит в звании. Исполняя приказ патрона, гвардейцы помчались на поиски наглеца и невежи, де Шарона.

Тем временем, де Шарон бежал по улице Бюси, с которой он резко свернул, и пошел по улице Сен-Сюльпис. На той самой улице, ему перегородили дорогу пятеро всадников. Не растерявшись, юноша свернул в квартал, но там его поджидала новая засада. Бургундец оказался окруженный дюжиной гвардейцев, которые постепенно приближались к нему.

– Вот ты и попался, щенок, – злорадствовал де Жюссак. – Что вы стоите, арестуйте его!

По приказу лейтенанта, гвардейцы толпою накинудись

на де Шарона. Но юноша, обладая хитростью, сумел выбраться из-под кучи дерущихся между собой гвардейцев и, не заметно ускользнул на улицу Гарсе.

– Чего вы там возитесь, идиоты?! – воскликнул в гневе де Жюссак. – Мальчишка давно скрылся в квартале.

Вновь началась погоня, которая едва не закончилась для провинциала, плачевно. Но фортуна снова, благосклонно улыбнулась своему подопечному. В тот час, когда де Шарон был почти в руках у гвардейцев, мимо них проезжала карета. Пропуская карету, гвардейцы расступились. В последний миг, находчивый бургундец, вскочил на ее запятки, и заливаясь громким смехом, скрылся вместе с каретой за поворотом.

«Интригами оплел он весь Париж

Как паук, оплетает муху

Нам остается крикнуть лишь:

«Остановись-ка Риш!»!

Тебе не сломать парижского духу».

Глава VI

Как де Шарон попадает в дом, в котором происходят странные вещи

Погоня продолжалась еще долго, но по случайности или по воле судьбы, карета, на запятках которой стоял де Шарон, тоже ускорилась, тем самым прилично отрываясь от погони. Неожиданно карета свернула во двор, какого-то дома. Когда она остановилась, де Шарон спрыгнул с запяток и скрылся в кустах. Он видел, как из кареты вышла молодая особа и вошла в дом. Хотя лица женщины он не видел, а видел ее только со спины, но силуэт ему показался знакомым.

Не прошло и минуты, как за воротами снова раздались голоса гвардейцев. Поняв, что гвардейцы намереваются войти во двор, де Шарон прокрался в дом. Попав в гостиную комнату, юноша начал искать, где можно спрятаться. Раздались приближающиеся голоса. Молодой человек засуетился по комнате, в поисках укрытия. Наконец он увидел портьеру, висевшую возле окна. Едва бургундец успел спрятаться за нее, как в ту же секунду в комнату, вошла ничего не подозревающая, супруга капитана г-жа Мензофорт.

Увидев ее через щель портьеры, де Шарон, вдруг признал в ней, ту самую таинственную незнакомку, которую он видел сегодня ночью. И хотя при свете каретных фонарей, черты

лица женщины было сложно разглядеть, но внутренней голос ему подсказывал, что это была она.

Госпожа Мензофорт, держала в руке какое-то письмо, которое она пыталась тщательно скрыть. Едва она вложила письмо в письменный ящик, как вдруг дверь распахнулась, и в комнату вбежало пятеро гвардейцев, что привело девицу в полубморочный испуг.

– Где этот негодяй! – с ходу спросил де Жюссак, выхватив из ножен шпагу.

На шум, из своего кабинета, размещавшегося на втором этаже дома, вышел в преклонных годах господин, озирая незваных гостей, недоумевающим взглядом.

– Что здесь происходит, господа? – спросил он, спускаясь по лестнице.

– Прошу меня простить, господин Мензофорт, но по нашим сведениям, в ваш дом, проник один мерзкий мальчишка, – ответил де Жюссак.

– В мой дом, проник, мерзкий мальчишка? – удивился хозяин, с недоверием поглядывая на жену. – Но каким образом?

– Видите ли, мы погнались за одним молодым человеком, а он, каналья, взял и заскочил на запятки кареты, вашей супруги.

– И что, вы видели, как он проник в мой дом? – удивился капитан.

– Увы, нет.

– В таком случае я уверяю вас, г-н де Жюссак, что в моем доме, посторонних нет, – перебил его г-н Мензофорт. – Надеюсь, вы доверяете моим словам?

– О да, конечно, – с почтением произнес де Жюссак.

– В таком случае, не смею вас задерживать, я спешу на службу, – произнес г-н Мензофорт.

– Прощайте, г-н Мензофорт.

– Передайте мое почтение его высокопреосвященству.

– Непременно передадим, сударь.

Проводив гордым взглядом уходящих гвардейцев, г-н Мензофорт, так же заметил, что его благоверная супруга, тоже, куда-то собирается.

– Лукреция, черт возьми! Куда вас опять, черти несут? – спросил, возмущенно, Мензофорт.

– Мне нужно в Лувр, – ответила прехорошенькая хозяйка.

– Вы опять ввязались, в какие-то интриги? – остановил ее капитан, схватив ее небрежно за локоть.

– Оставьте меня в покое, Николая, – сказала госпожа, пытаясь освободить свою руку.

– В покое?! Моя жена вместо того, чтобы растить детей, быть хранительницей очага, целый день находится, черт знает где, и еще просит, чтобы ее законный муж, оставил в покое.

– Вас об этом, предупреждали в Лувре, – с укором сказал красавица, взглянув на супруга таким взглядом, что тот невольно отпустил ее руку.

– Признаться, я уже начинаю жалеть, что дал добро королеве на ваше назначение, – продолжал капитан. – Да вы должны за меня Богу молиться, за то что я содержу вас, и ежемесячно плачу пятнадцать ливров, за вашего братца.

– Что? Уж не вздумали ли вы, достопочтенный Мензофорт, упрекать меня деньгами?

– О, не в коем случае, мадам, – сказал Мензофорт, припав к ее ногам, целуя ее руку. – Простите меня. Простите, простите.

– Я давно поняла, что я не возлюбленная ваша и не жена, а пленница.

– Как вы не справедливы ко мне, Лукреция, не справедливы. Я вас люблю.

– Мне нужно идти в Лувр, – повторила Лукреция, освободив свою руку от поцелуев супруга.

– Ну что ж, идите в ваш Лувр, тем более, что мне тоже давно пора на службу, – произнес недовольно г-н Мензофорт, вставая с колен. – Но учтите, если я узнаю, что вы участвуете в заговоре против короля, помощи от меня не ждите, я отрекусь от вас, как если бы вы мне, были не верны.

– Не беспокойтесь сударь, я не нуждаюсь в вашем покровительстве, – гордо заявила г-жа Мензофорт.

– Ну что ж, прощайте.

– Прощайте, сударь.

Глава VII

Кардинал Арман Жан Ришелье

В то же самое время, в белой сутане, поверх которой была надета кровавая мантия, стоял с надменным видом, кардинал Арман Жан де Ришелье, и слушал, как его верноподданный слуга, г-н Рошне, играл на клавесине и подпевал дрожащим голосом:

В ту пору, тихими шагами в кабинет, вошла дама, облаченная в мужское, черного цвета, платье. Она встала незаметно за спиной кардинала, слушая, как его высокопреосвященство бранит за пение, г-на Рошне:

– Да, любезный г-н Рошне, у вас не только нет способностей мне верно служить, но также нет и слуха.

– Простите монсеньер, – виновато сказал Рошне, – слух, как утверждали многие, у меня есть, просто у меня дрожит голос от волнения.

Увидев беспричинно возникшую на лице Рошне улыбку, кардинал обернулся и увидел перед собой очаровательную, рыжеволосую женщину.

– Боже, как вы тихо ходите, – восхитился кардинал, поцеловав даме руку.

– Простите монсеньер, – кокетливо ответила она, одарив его обворожительной улыбкой.

– Ну, что там дальше, Рошне, – позволил продолжить

кардинал, которому было самому интересно послушать, что о нем думает народ.

– Что это, Рошне? – в недоумении спросил Ришелье.

– Пасквиль, монсеньер, – ответил Рошне, с оттенком безобидной улыбки.

– Достаточно, на сегодня пасквиля, благодарю вас, – в гневе проговорил кардинал, садясь в кресло. – Я надеюсь, этот поэт уже в Бастилии?

– Нет, он, как и прежде, на свободе, – с мягкой улыбкой произнес Рошне.

– Я не понимаю, а почему вы смеетесь, пока что поводов для веселья, я не вижу. Вы обленились Рошне, и перестали ловить мышей.

Последняя фраза, тоже насмешила милую леди, припомнив, что накануне Ришелье, говорил эту же фразу, своему коту, по голове которого, бегала мышь.

– Я что-то смешное сказал, сударыня? – обратился на этот раз кардинал, к леди де Персис.

– Простите монсеньер, – поклонилась леди, изображая раскаянье.

– Что вам помешало, арестовать этого стихоплета, на этот раз? – продолжал допрашивать кардинал своего верноподданного шпиона.

– Вмешательство упрямого юноши, не желающего уступить дорогу, нашим гвардейцам, – ответил Рошне.

– Кто он?

– Неизвестно, ваше высокопреосвященство. Судя по всему, провинциал.

– Надеюсь, вы его сможете опознать?

– Никак нет, я к тому времени уже уехал, а всю беседу с ним, провел ваш покорный слуга, де Жюссак.

– Позовите г-на де Жюссака! – приказал де Ришелье лакею.

Лакей в ту же секунду, поспешил исполнить повеление кардинала, и спустя десять минут в кабинет вошел, небольшого роста офицер.

– Господин де Жюссак, вы надеюсь, помните лицо того юноши, которого сегодня видели на ярмарке Сен-Жермен.

– Разумеется, монсеньер, – ответил де Жюссак.

– И он уже в Бастилии?

– Нет, монсеньер, увы, он еще на свободе.

– Вы хотите сказать, что не смогли справиться с мальчишкой? – негодовал кардинал.

– Я застрелил его старую лошадь, и хотел арестовать этого провинциала, но он, как сквозь землю провалился. В результате все разбежались.

– Прекрасно господа, – развел руками Ришелье. – Я восхищаюсь вашими талантами. Какие еще новости?

– Этой ночью, герцог Бекингам, встречался с особой, которую он называл г-жой де Бушар.

– Если мне не изменяет память, накануне, вы собирались арестовать эту интриганку, – напомнил графу кардинал.

– Да монсеньер, но неожиданно нам помешал, какой-то сумасшедшим провинциал. Наши гвардейцы, были слабы по сравнению с герцогом и тем юношей, – оправдывался Рошне.

– Что-то слишком много развелось провинциалов, желающих всунуть свой нос, в мои дела. Вам не кажется это весьма странным, граф?

– Кажется, монсеньер.

– Быть может, это был один и тот же человек? – продолжал размышлять кардинал. – Но тогда я не понимаю, с какой целью, он рушит мои планы. Заступничество за герцога еще можно понять, провинциал мог быть с ним в сговоре, либо решил отличиться в глазах Бекингема, дабы получить от него пошлину. Но какого, в таком случае, рожна, ему понадобилось заступаться за безродного пасквилянта? Ну да Бог, с ним.

– Чем вы меня порадуете, леди? – обратился Ришелье, на этот раз к леди Персис.

Из голенища ботфорт, леди достала небольшой свиток бумаги, и подала его кардиналу.

– Что это? – с удивлением спросил Ришелье.

– Это письмо от герцога, королеве, – ответила леди.

– Это уже что-то, – сказал Ришелье, читая письма. – Вы славно поработали, Шарлотта.

– Рада была служить, ваше высокопреосвященство, – сказала леди с почтением, кланяясь.

– Вам необходимо немедленно вернуться в Лувр, и отдать письмо королеве. Если ее величество, изволит написать ответ, сразу же пришлите мне об этом сообщение. Война с Англией, скорее всего, неизбежна.

– Какие еще будут распоряжения, Ваше Преосвященство?

– Все распоряжения, вы найдете в письме, – сказал кардинал, вручив конверт леди Персис. – Вскройте его в своей комнате.

– Боже, какая таинственность!

– В Париже будьте особо осторожны. Появление этого провинциала, может быть неслучайным. Рошне! Разузнайте-ка все об этом человеке.

– Слушаю, монсеньер, – услужливо проговорил Рошне.

*– «Во Франции на каждом лье,
Кругом шпионы Ришелье.
Про все в стране известно кардиналу.
Шпионы спать нам не дают
Чего-то ищут, кого-то ждут.
Прилег поспать, и под кроватью, слуги кардинала.*

*– «Интригами оплел он весь Париж
Как паук оплетает муху
Нам остается крикнуть лишь:
«Остановись-ка Риш!
Тебе не сломить парижского духу».*

Глава VIII

В которой г-н де Шарон, видит чудо света

Де Шарон, продолжал стоять за портьерой. Г-жа Мензофорт, проводив супруга до двери, сама куда-то вышла. В комнате, наконец, воцарилась тишина. Воспользовавшись моментом, когда комната стала совсем пустой, наш храбрый бургундец, на свой риск и страх, решил выбраться из укрытия. Но едва он сделал два шага по комнате, как вдруг неожиданно, почувствовал, что кто-то ударил его по голове, и его сознание потухло.

Очнувшись, де Шарон некоторое время не мог опомниться, не понимая, что с ним случилось. Мало-помалу, мысли его прояснились. Открыв глаза, он увидел перед собой дивное розоватое лицо, нежность которого подчеркивали, вьющиеся темно-русые волосы, уложенные в сложную прическу.

– Вы живы, слава Богу! – проговорила прекрасная госпожа, едва сама не лишаясь чувств. – Мадлен, принеси скорее холодной воды и чистую ткань, – повелела она.

– Бегу матушка, бегу, – проговорила, услужлива старушка.

Служанка быстро исполнила повеление г-жи Мензофорт, неся графин холодной воды и полотенце. Опустившись над

г-ном де Шароном, госпожа намочила полотенце, и заботливо приложила его к голове, юноши. Де Шарон взял ее руку, и поцеловал в ладонь.

– Вам уже лучше? – растерянно спросила она.

– Слава Богу, – ответил де Шарон, слабым голосом. – Вы не узнали меня, сударыня? – улыбаясь, спросил он, едва не потеряв снова чувства.

– Разве мы с вами знакомы? – с удивлением задала вопрос госпожа Лукреция.

– И да, и нет, – загадочно произнес де Шарон. – Мы сегодня с вами уже встречались, когда вы разговаривали с герцогом Бекингемом.

– Так, стало быть, вы тот самый храбрый юноша, – проговорила смущаясь, г-жа Мезофит и, продолжила: – Но кто вы такой, если вы не шпион Ришелье?

– Я бургундец, прибыл сюда, чтобы поступить в роту де Монтале, – ответил де Шарон, вставая с пола.

– Но зачем же вы, пробрались сюда? – с какой-то недоверчивостью в голосе, продолжала его допрашивать, юная мадам.

– Попал я в ваш дом, по чистой случайности, – начал юноша. – За мной была погоня, а я был без лошади, а это означало для меня верной гибелью. Вдруг вижу, едет карета, в которой в то время, сидели вы. Я вскочил на запятки. Таким образом, от аббатства Сен-Жермен до вашего дома, не подозревая того сам, я ехал вместе с вами. Когда карета нача-

ла заворачивать во двор, я спрыгнул, и хотел было бежать в другую сторону, но увидев, что погоня за мной продолжается, я проник во двор, а затем и в ваш дом, где в дальнейшем спрятался за портьерой.

– А я, было подумала, что вы подосланы кардиналом, следить за мной. В таком случае, простите, за мой гнусный поступок.

– Но что вы сделали?

– Я вас ударила по голове, подносом, – ответила женщина.

– Подносом?! – переспросил бургундец, после чего, громко расхохотался.

– Простите меня, сударь, я просто растерялась.

– Пустяки, мне еще ни разу в жизни, не было так приятно, получать удары по голове.

В ответ ему мадам Мензофорт мило улыбнулась. Но вдруг, по неизвестной причине ее лицо стало тревожным, и она молящим голосом попросила:

– Но я вас прошу, если вы и вправду желаете мне добра, тогда забудьте о том, что вы видели там, и что слышали здесь, иначе нас с вами, ждет Бастилия, или смерть.

– Я все забуду, если вы мне скажите, от кого было то письмо, которое вы спрятали в письменном бюро, – с ревностью, спросил де Шарон.

– Я не могу вам этого сказать, – ответила г-жа Мензофорт.

– Имейте в виду, я убью вашего любовника, кем бы он ни был! – заявил дерзко бургундец.

– Это не моя тайна, – кокетливо сказал госпожа, проведя пальцем вокруг медальона с изображением королевы.

– Значит, вы служите королеве? – наконец догадался де Шарон, что речь идет, о любовнике Анны Австрийской. – Простите, я должен был догадаться, ведь вы накануне разговаривали с герцогом Бек...¹³

– Тиши, умоляю вас, – остановила его г-жа Мензофорт, прикоснувшись к его губам ладонью.

Едва де Шарон, начал с нежностью целовать, каждый палец ее руки, как вдруг Лукреция поспешно убрала свою ладонь, и куда-то заторопилась.

– Сударыня, куда вы все время исчезаете? – спросил растерянно юноша.

– Я прошу, если у вас есть хоть малейшая жалость ко мне, уходите скорее.

– Но когда я вас увижу, вновь?

– Скорее всего, никогда.

– И вы не оставите мне ничего на память, хотя бы, ваш дивный платок? – спросил де Шарон, посмотрев умоляющим взглядом на г-жу Мензофорт.

Лукреция подала ему кружевной платок, и де Шарон, с нежностью принял его. Прикоснувшись к нему устами, он поклялся, что будет вечно хранить этот платок, как талисман.

¹³ Анна Австрийская – королева Франции, супруга короля Франции Людовика XIII. *

– Ну идите же, безумный, – проговорила госпожа Мензо-форт. – Я выведу вас через черный ход.

Госпожа повернула ручку в камине, и стена камина, вдруг разверзлась. За стеной, была деревянная дверь. Госпожа открыла ключом дверь и вывела де Шарона, в темный погреб. Пройдя длинный туннель, они поднялись по лестнице, которая вела к выходу. Выйдя из погреба, де Шарон оказался на улице гроба Господнего.

Глава IX

Как пасквилянт становится слугой

Попрощавшись с супругой капитана, шевадье де Шарон, не теряя надежды стать мушкетером, отправился вновь в сторону резиденции де Монтале. Свернув с улицы «Гроба Господнего», он неожиданно услышал у себя за спиной, радостные возгласы:

– Сударь! Сударь! Добрый день, сударь!

Обернувшись, де Шарон увидел перед собой, маленького, толстенького господина, державшего в руках шляпу с большими полями.

– Я вам очень благодарен, – продолжал толстый господин в рваных штанах, – вы так отважно сражались, с этими подлыми гвардейцами кардинала. Вы случайно не родственник Ланселота?

– Вовсе нет, – ответил немного в смущении де Шарон.

– Ни один французский герой, не смог бы сравниться с вашими доблестями.

– Но откуда ты меня знаешь? – удивился де Шарон.

– Как же вас не знать, вы мне спасли жизнь, там, на базарной площади.

– А, так это ты, тот самый господин с ярмарки, который пел песню о кардинале, – вдруг вспомнил де Шарон.

– Да, это был действительно, я, – ответил гордо госпо-

дин. – Но, не подумайте, что я всю жизнь был уличным артистом. Изначально, мое имя было известно на весь Париж. Меня, кстати, Глюмом зовут. Вам ничего, не говорит это имя?

– Нет, – пожал плечами юноша.

– О, когда то, мое имя знала вся Англия и Франция. Я был оруженосцем у самого короля Яков I, – начал хвастаться господин. – Ах, милорд, если б вы только знали, сколько мы с моим прежним хозяином совершили подвигов. Но всему приходит, как говорится, конец. Потом Яков I скончался, а его сын Карл I, решил сменить меня на молодого оруженосца. Я остался без дома, без крова, и начал зарабатывать на жизнь, песнями на улицах. Поначалу, это были безобидные песни, а потом мне стало обидно за простых людей, страдающих от несправедливого государства, и я начал сочинять пасквили.

Поверить в то, что этот господин был когда-то королевским оруженосцем, было трудно. Сказать по чести, до того дня у де Шарона, было совсем другое представление об оруженосцах. В его представлениях, оруженосец должен был быть молодым юношей не старше двадцати лет, ловким, статным и смелым. Перед ним же, стояло полная противоположность, его представлениям. Это был господин неопределенного возраста, невысок, и даже можно сказать, неуклюж. К тому же, этот милейший мужичок, так чисто говорил по-французски, что сомневаться в его происхождении не при-

ходило.

Однако обвинять или спорить с ним, де Шарон не стал, да и не хотел. Мужичок с таким восхищением рассказывал о своих необычайных подвигах, что казалось, сейчас «лопнет» от хвастовства. Он еще долго говорил о том, как ему было трудно стать простым бродячим актером, после храбрых сражений, в которых он якобы, не единожды, спасал короля от смерти.

– Когда мои пасквили услышал король Карл I, то велел изгнать меня из страны, – продолжал пасквилянт. – Мне ничего не оставалось делать, кроме, как тайком пробраться на корабль и приплыть сюда, во Францию. Затем я увидел, что здесь тоже творится не ладное, и тогда я решил, открыть французскому народу глаза на правительство. И вот так я колесил по всей Франции, пока не докатился до Парижа.

– А откуда ты знаешь, так хорошо французский? – осведомился де Шарон.

– Так матушка моя, была настоящая француженка.

– Все с тобой ясно, – махнул рукой де Шарон и отправился своей дорогой.

– Вы мне не верите, сударь? – догоняя, спрашивал пасквилянт. – Ну и правильно делаете, я вам соврал. Никакой я не англичанин, единственное, что у меня английское, так это имя. Хотя я действительно, не так давно, был слугой у одного господина, правда, его потом повесили за пасквили, а я, чтобы не умереть от голода, стал сочинять эти жалкие песенки.

Но раз вы меня спасли, будьте моим господином.

– Я думаю, что мне в скором времени, слуга действительно понадобится, – сказал де Шарон, но вспомнив, что у него нет денег, решил повременить, и потому добавил: – но потом.

– А, жаль, – с обидой пробормотал Глюм. – Если вы беспокоитесь из-за денег, то получить жалования, я не спешу.

Пасквильянт был так настойчив, что де Шарону, пришлось взять его с собой. Всю дорогу, слуга с восторгом рассказывал забавнейшие истории, какие только бургундцу, приходилось слышать.

– Кстати, а как имя моего нового господина? – наконец спросил, новоиспеченный слуга.

– Шевалье де Шарон.

– Надо запомнить, – с усмешкой, проговорил Глюм.

Итак, де Шарон, в сопровождении нового слуги, продолжал идти к заветной мечте, до которой оставалось не больше мили. Они шли по узкому кварталу Сапожников, когда идущий им на встречу господин, невежественно столкнул де Шарона с дороги. В ярости, де Шарон обернулся, и посмотрел вслед, удаляющемуся господину, который беспечно продолжал свой путь, и как видно, не собирался извиняться, за свое вопиющее поведение. Горячего бургундца, возмутило столь наглое поведение незнакомца, поэтому, догнав наглеца, он, дерзко заявил:

– Простите сударь, но вам не кажется, что вам следова-

ло бы попросить у меня прощение?!

Но господин не обращая внимания, на заявления юного провинциала, продолжал идти своей дорогой. Этим господином, был тот самый граф Рошне. Де Шарон, в свою очередь не унимался, он вновь обогнал его и заявил:

– Я требую от вас извинений!

– Подрасти, щенок! – сказал надменно Рошне, оттолкнув от себя бургундца, да так, что юноша ударился спиной об стену дома.

Вскипев от злости, де Шарон выхватил шпагу и бросился на господина в фиолетовом камзоле, но тут же потерпел поражение. Ах, если бы де Шарон только знал, как близок он был, от опасности. К счастью, г-н Рошне не знал юношу в лицо, ведь, кардинал дал ему ясно понять, что бы тот занялся поисками дерзкого провинциала.

Юноша тем временем, не успокаиваясь, упрямо старался, напасть на обидчика. Видя, что побудить наглеца к драке у него не получается, де Шарон в негодовании воскликнул:

– Я третий раз требую от вас извинений, слышишь ты, негодяй!

Похоже, что эти слова, наконец, затронули господина Рошне, так как он сразу же вытащил шпагу и, скинув плащ, воскликнул:

– Ты мне за это ответишь, щенок!

Де Шарон с радостью накинулся на него и у них разгорелся поединок. Юноша, разумеется, не имея такого опыта как

у Рошне, проигрывал ему, и все же, уперто не сдавался. В момент, когда граф был почти поражен, откуда то, появились мушкетеры кардинала. Они окружили провинциала и один из гвардейцев заявил:

– Сударь, именем закона вы арестованы! Вашу шпагу!

– На каком основании, позвольте вас спросить? – спросил высокомерно юноша.

– А, на том основании, дорогой юноша, что у нас в Париже, по приказу кардинала Ришелье, запрещены дуэли, – ответил граф Рошне, поправляя на руке перчатку.

– В таком случае, почему не арестовали вас?! – с возмущением спросил де Шарон, вырываясь из рук гвардейцев.

В ответ Рошне ухмыльнулся, и совершенно спокойно ответил:

– Вы сами на меня напали, я шел мирно, а вы то и дело приставали ко мне, с каким- то требованием.

– Я требовал, чтобы вы передо мной извинились, за то, что вы меня толкнули. Если б вы извинились, то дуэли бы, вообще не было.

– А вам не кажется, молодой человек, что по всем правилам, это вы должны были бы уступить мне дорогу, так как я вас, старше. Что вы стоите, арестуйте его!

Граф дал знак гвардейцам, и на де Шарона, набросились восемь человек. Бургундец отчаянно защищался, двоих ему даже удалось ранить, но на этот раз ему не повезло. При очередной попытке сопротивления, бургундцу заломили руку,

и несколько раз усмирив кулаком, повели через весь город, в тюрьму. Все надежды стать мушкетером в те минуты, рассыпались, как карточный домик. С каждой минутой, де Шарон находился все дальше, и дальше, от заветной мечты.

Глава X

Дорога приводит в тюрьму

После ареста, над г-ном де Шароном, был суд. Поскольку во время дуэли бургундец, не успел нанести большого урона графу Рошне, то на суде, было решено обойтись штрафом. Но так как, в гостинице, «Вольный ветер», бургундец лишился последних трех пистолей, молодой человек не смог оплатить, и четверти названной суммы. Не добившись от обвиняемого оплаты, суд приговорил его, к двум месяцам тюрьмы.

Не имея за душой, и ломаного гроша, рассчитывать бургундцу на хорошие условия в тюрьме, не приходилось. После очередного избияния, де Шарон оказался в камере для бедняков.

Придя в себя, бургундец почувствовал ноющую боль в ребрах. Несмотря на то, что каменная плита, (служившая ему кроватью), была засыпана сверху соломой, но даже через нее де Шарон, ощущал, как холод, пронизывает все его тело.

Из соседней камеры доносились постоянные вздохи, стоны и кашель, что приводило де Шарона в бешенство. Одиночество угнетало бургундца, а несбыточные мечты о карьере, выводили его из себя. Целыми днями юноша спал или просто лежал, а когда тоска становилась непосильной, он начинал стучать ногами в дверь, или петь дурацкие песни, таким

образом, сводя с ума стражников.

Кроме всего этого, де Шарона мучили клопы и тюремная еда. От постоянной носки одежды, рубашка и без того грязная и рваная, начинала расплзаться на его теле, словно бумага, что было не менее печальным.

Дни ползли, каждый день приравнивался к году. В один прекрасный день, де Шарон осознал, что прожил в тюрьме всего две недели, а состояние его души было таковым, словно он прожил в своей камере два месяца.

И вот, когда дни, проходившие в тюрьме стали совсем невыносимыми, Бог послал к несчастному провинциалу, своего милейшего слугу, аббата де Рамиса.

В тот чудный день, аббат проходил мимо долговой тюрьмы, под названием «Отец кармелитов». В то же время, возле тюремных стен, стоял странный господин. Сняв шляпу, он глядел на окна тюрьмы, и плакал. Увидев этого скорбного господина, де Рамис, будучи аббатом и священником, в одном лице, счел за свой христианский долг, спросить у того, что случилось.

Тем господином, был тот самый, верный слуга, Глюм. Все то время, когда его хозяин дрался с Рошне, а затем был арестован, слуга в обоих случаях показал себя не с лучшей стороны. Глюм чувствовал страх, перед Рошне, поэтому наблюдал все эти события, спрятавшись за стенкой соседнего дома, опасаясь как бы верноподданные кардинала, не припомнили все его пасквили, придуманные им в честь, его высокопрео-

священства.

Теперь же, осознав все свое невежество, Глюм сидел у главного входа тюрьмы, докучая стражников просьбами, чтобы его посадили вместо г-на де Шарона, или, на худой конец, посадили бы в одну камеру с ним. Стражники всячески прогоняли надоедалу, а случалось, что и, побивали.

И вот, в то самое солнечное утро, Глюм стоял, как и было сказано, напротив тюремных окон, плача и кляня себя.

– Что произошло сын мой, тебя кто-то обидел? – спросил аббат де Рамис, перебирая пальцами четки.

На заданный де Рамисом вопрос, Глюм поднял глаза и увидел перед собой простодушное, и в то же время милое лицо священника.

– Беда у меня, святой отец, моего хозяина шевалье де Шарона, посадили в тюрьму, – ответил слуга, вытирая слезы рукавом рубашки.

– За что же посадили, твоего хозяина? – спросил де Рамис.

И Глюм, имея Божий дар рассказывать необыкновенные истории, в подробностях поведал ему всю историю о том, как его храбрый хозяин, вступил в бой с ненавистным господином Рошне, которому на помощь сбежалась, сотня красных гвардейцев.

– И представляете, – продолжал слуга, – этот Рошне, которого я знаю не понаслышке, созвал сотню гвардейцев кардинала. Я признаюсь честно, мой господин дрался как лев, он убил тридцать пять гвардейцев, не считая раненых. Я ко-

нечно, тоже не стоял в стороне. И вот, когда мой господин, почти всех их убил, прибежало еще сорок гвардейцев. Вот тут-то, мой хозяин и сдался. Его избили, деньги отобрали и повели в тюрьму, с тех пор я здесь.

Дав Глюму волю фантазии, де Рамис с терпением дождался конца рассказа, после чего пообещал, что-нибудь сделать для его хозяина.

В то время, ничего неподозревающий г-н де Шарон, лежал на кровати, и как обычно бездумно, громко пел, от чего сдавали нервы, даже у мышей:

Вдруг раздался скрип в замочной скважине. Думая, что это стражники, де Шарон продолжал петь, делая вид, что не замечает их прихода.

– К вам священник! – раздался зловещий голос стражника.

Это насторожило де Шарона, он тут же перестал петь, и тревожно приподнялся с кровати.

– Зачем еще? – спросил он возмущено.

– Узнаете, – ответил стражник, и в камеру вошел аббат.

Перекрестив стражника, аббат улыбаясь, попросил, чтобы его оставили наедине с обвиняемым. Вскочив с кровати, де Шарон, пытаясь оставаться спокойным, спросил:

– Уж не исповедовать ли, меня пришли, святой отец?

– Нет, – с улыбкой произнес кюре, благословив двумя пальцами юношу.

– Тогда зачем вы пришли?

– Как лицо духовное, я считаю своим долгом, помочь всем страждущим, поэтому, видя вас в такой нужде, я готов вам дать 400 экю, и все что вам еще потребуется.

Несмотря на то, что эти дары пришлись бы в самую пору для де Шарона, упрямый бургундец отказался их принять, объясняя это тем, что следует с детства правилами: ничего ни у кого, не брать, кроме, как у короля.

– Ну что ж, раз вы такой гордец, то возьмите хотя бы, все предложенное мной, в долг, – предложил де Рамис. – Надеюсь брать в долг, не нарушает ваших убеждений?

– Вы правы, я, пожалуй, воспользуюсь вашим предложением, но только под расписку, – решил де Шарон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.